кий бульдозер, и он делал больше работы, чем весь наш полк. Если бы выделили еще один старый трактор, то можно было бы смело весь полк отпустить домой заниматься мирным трудом, все равно тем, чем положено, мы не занимались. А если бы выделили пять дополнительных бульдозеров, то смело можно было бы отпускать всю дивизию, всех 10 800 человек. А в каждом округе, а их 16, минимум одна дивизия всю зиму ковыряла мерзлую землю. Можно было, конечно, подождать до весны, когда земля оттает, но вопросы безопасности нельзя откладывать!!!

Как-то утром, когда наши танкисты уже разобрали лопаты и лениво ковырялись вокруг стратегических бомбардировщиков, у летчиков закончился утренний развод на работы. После развода, как положено с песнями, они маршировали к своим самолетам.

В Советской Армии принято, чтобы взвод, достаточно удалившись от начальства, продолжал громко петь строевую песню с другим нецензурным текстом. Начальство слышит издалека только мотив и громкий топот, не разбирая отдельных слов. Солдаты этим широко пользуются для душевной разрядки.

Мимо нас отлично промаршировал взвод, который на мотив песни

Вьется, вьется
Знамя полковое,
Командиры впереди —
Солдаты в путь!

с очень серьезным видом пел:

Вьется, вьется,
В рот оно...
А три года впереди —
Солдаты в путь!

Следующий взвод, который направлялся прямо к нам, на мотив известной песни исполнял нечто более оригинальное:

На площадке шум и звон:
Не работает «Аргон»,
Ни разведки, ни захвата —
Прое... до заката!

Когда солдаты и сержанты расползлись по бомбардировщику, я осторожно угостнл летного сержанта сигареткой: на аэродроме не положено, да у него, вндать, н не было своих.

— Послушай, служнвый, «Аргон» — это установка защнты хвоста.

— Точно.

— Она на «Ту-4» стояла.

— Про такой не слыхал. А вот на «Ту-16», «Ил-28» н «Ту-95» она стонт, да н на других, наверное.

— Не «Аргон-М», не «Аргон-2»?

— Нет, просто «Аргон».

— И все в нем винтнкн не метрнческне?

— А почти вся электроннка не метрнческая.

— Это еще почему?

— Сднрают, видать, у супостата однн к одному. Бомбарднровщнк ведь весь состонт нз деталей, которые нлн купнли, вроде для гражданскнх самолетов, нли сперлн где да скопировалн, нлн тех, что еще 30 лет назад использовались. На то он н кнрпичный!

Часть третья
ОСВОБОДИТЕЛИ

ПОДГОТОВКА

Напряженность в Чехословакии нарастала.
В связи с этим наша учебная дивизия
произвела досрочный выпуск сержантов.
Вместо них мы получили резервистов.
Из названия дивизии исчезло слово «учебная»,
и она стала именоваться просто 287-я Новоград-Волынская мотострелковая дивизия.
Украина

Начало лета 1968 года

А вот с бронетранспортерами происходило черт знает что. В каждом мотострелковом полку в то время по штату полагалось иметь 31 танк, 6 гаубиц, 18 минометов и 103 бронетранспортера. Танки, гаубицы и минометы были на месте, а бронетранспортеров было только 40.

В воздухе явно пахло жареным. В братской Чехословакии намечалось нечто подобное, что произошло в братской Венгрии в 56-м году. Придется явно оказывать помощь. А как, если в мотострелковом полку такая нехватка основного вооружения — бронетранспортеров?

После третьей рюмки такой вопрос я задал капитану, который сейчас занимал должность помощника начальника штаба по мобилизационным вопросам.

Капитан внимательно и, как мне показалось, лукаво глянул на меня, хмыкнул неопределенно, разлил обоим по рюмашке и, осадив ее огурчиком, вдруг спросил:

— А знаешь ли ты, почему они в нашем полку есть?

— Странный вопрос, положены по штату, оттого и есть, только вот не хватает их на всех.

— А оттого они есть в нашем полку, что ходят они ежегодно на параде в Киеве. Там их 36 штук надо, вот их-то полк и имеет, а четыре других — запасные.

Капитан, видимо, почувствовал, что его ответ мне ничего не объяснил, и задал мне еще один вопрос, наводящий:

— Знаешь ли ты, сколько мотострелковых полков в нашем округе?

— Нет, конечно!

— Ну а так, приблизительно. На вскидку, без особой точности.

— Ну, если примерно только... Во-первых, две танковые армии и две общевойсковые армии. Это всего... Э... Э... девять танковых дивизий и восемьдесять мотострелковых...

— Правильно.

— Это получается... около 36 танковых полков и... 32—40 мотострелковых.

— Ну правильно. Так вот, из всех мотострелковых полков округа только наш один имеет 40 бронетранспортеров, а остальные ни хрена не имеют.

— Врешь! — вырвалось у меня.

— Вот тебе и врешь.

В том, что капитан свое дело знает, я был уверен, в том, что он не врал, я тоже был уверен. То, что два других полка нашей дивизии бронетранспортеров не имеют, я тоже знал наверняка. Но в то, что наш полк единственный в округе, мне верить не хотелось.

— Так где же они, — наконец решился я, — в Египете? Точнее, в Израиле?

— И там. Но совсем немного. Обрати внимание на то, что Израиль захватил очень много танков и артиллерии, но не бронетранспортеров.

— Так где же они? В Варшавский Договор отдали?

— Да, но совсем немного. Обрати внимание на то, что чехи, получая от нас почти все вооружение, бронетранспортеры производят сами, собственных образцов, и ими снабжают немцев и поляков, а ру-

мыны, по своей бедности, в большинстве случаев мотопехоту на простых грузовых машинах возят.

— Так где же все-таки наши?

— А нигде.— Он испытующе глянул на меня и повторил.— Нигде. Нет их.

— Да как же так?

— А так. Сколько мы их до войны и в войну производили? Нисколько. Ни одного. Так? Все до одного бронетранспортера были американскими.

— Правильно,— подтвердил я.— «М-3» назывались, полугусеничные, и еще какие-то были, колесные, тоже американские.

— А теперь еще вопрос, сколько типов бронетранспортеров мы производили за всю свою историю?

— Много! Сейчас подсчитаю. Так... БТР-40 и БРДМ...

— Ну, это мы считать не будем, это разведывательные машины, а не пехотные.

— Конечно,— согласился я.— Их не считаем.

— БТР-50П тоже не считаем.

Да, этот бронетранспортер нельзя было считать. Великолепная машина. Но, видать, нам не по зубам. По одному только в каждый полк, только для командира полка, и все. И называется он БТР-50ПУ — «Управление». А вот начальник штаба полка — это тоже управление, и начальник артиллерии и начальник разведки полка, но все они в бою на грузовых машинах. БТР-50 только для командиров полков. Так что его за пехотный бронетранспортер считать нельзя. Сформировали, правда, в Таманской дивизии один полк на БТР-50П, но это только для парадов. Вся армия знает, что полк этот на настоящих учениях не появлялся, а только на показных да на парадах, как и вся «придворная» дивизия.

— БМП мы тоже не считаем, — продолжал капитан. — Во-первых, она только что появилась, во-вторых, БМП не БТР, и ее появление не решает проблемы перевозок пехоты в бою, БМП поступит на вооружение только особой, только избранной привилегированной пехоты. А как же всем другим, большинству, тем, кто будет решать исход войны? На чем их на войне возить будем?.. Так сколько мы за всю свою историю производили типов бронетранспортеров? — повторил он свой вопрос.

— Два, — ответил я и густо покраснел. — БТР-152 и БТР-60П.

— Ты, конечно, знаешь, что это за бронетранспортеры!

Это, к сожалению, я знал. БТР-152 был первым советским бронетранспортером. Был он просто грузовой машиной ЗиС-151, на которую сверху прикрепили броневые листы. Сам же ЗиС-151 был копией великолепного американского грузовика «студебекер». Копия, в отличие от оригинала, получилась неважной, а после того, как на нее еще нацепили пять тонн брони, это стало напоминать все что угодно, но не боевую машину. Ни проходимости, ни маневренности, ни скорости, ни броневой защиты. Вдобавок ко всему, производился бронетранспортер тем же заводом, который клепал ЗиС-151. А у завода вон сколько проблем, то братскому Китаю машин дай, то братской Индонезии, то братской Корее, то братской Албании, да и самим машины нужны,— то целина, то Братская ГЭС.

Второй советский бронетранспортер БТР-60 разработан был для замены первого, хотя менять-то было собственно и нечего: подавляющее количество советских дивизий их имели только теоретически.

Новый БТР имел форму гроба. Иного названия, кроме «Гроб на колесах», он не имел.

Из-за нехватки дизельного топлива в стране — БТР-60П, как и его предшественник, был бензиновым и оттого горел в бою особо ярким пламенем. Но при его создании дизельное топливо было не единственной проблемой — в стране в то время не было достаточно мощного и надежного бензинового двигателя, и тогда на БТР-60П установили два маломощных, с обычных колхозных грузовиков ГАЗ-51. И стал БТР-60П иметь два двигателя, два сцепления, две коробки передач, две коробки распределительные, четыре коробки отбора мощности, два стартера, два прерывателя-распределителя. Вся эта механика надежно и синхронно, конечно, не работала, и если синхронность работы двух двигателей нарушается, а это случается ежедневно, то один двигатель начинает глушить другой. Один из них срочно приходится отсоединять, и тогда «Гроб на колесах» весом 12 тонн еле тащится, используя только один двигатель мощностью 90 л. с.

В названии БТР-60П индекс «П» означает, что он плавающий. И хотя форма гроба дает ему некоторую плавучесть, плавающим он считается только теоретически. Бронетранспортер браво входит в воду и неплохо плывет, но он почти никогда не может выйти из воды самостоятельно, слабые его двигатели могут вращать или колеса или винт, а одновременного вращения не получается. При выходе из воды винт на малой глубине уже не эффективен, а колеса еще не имеют достаточного сцепления с грунтом. Если бы они вращались одновременно, то он кое-как мог бы выкарабкаться, а так — после каждой маленькой речушки вся пехота остается без транспортных средств и без боеприпасов.

Кроме того, БТР-60П производится тоже обычным автомобильным заводом, Горьковским, которому, кроме армии своей, надо снабжать и все народное хозяйство и всех советских бюрократов персональными машинами, вдобавок все без исключения советские такси строятся только на этом заводе, и вдобавок ко всему братский Египет, братская Уганда, братское Чили, братский Судан, братское Сомали и еще много-много других — и один только Горьковский автозавод.

— Так построить надо автомобильные заводы!

На это он не без ехидства улыбнулся.

— Если б могли, так понастроили бы, а так у Италии вынуждены покупать! И ни одного автомобильного завода мы пока за всю свою историю сами не построили.

С этим я был вынужден согласиться. В своей жизни я был, правда, только на одном советском автомобильном заводе, и он произвел на меня гнетущее впечатление. Оборудование завода произведено в Америке в 1927 году и продано было Германии, которая весь предвоенный период и всю войну эксплуатировала это оборудование нещадно, на износ. В 1945 году это уже совершенно изношенное и поврежденное снарядами оборудование было вывезено в СССР и на нем начали производить «Москвичи». Перспективный план развития завода «Москвич» не предусматривает замены этого оборудования до 2000 года, а что дальше будет, посмотрим. Но вполне возможно, что это будет еще один рекорд, установленный Советским Союзом.

— Как же, капитан, мы братскую Чехословакию спасать будем?

— А как всегда, нахальством. В первом эшелоне у нас, конечно, есть бронетранспортеры, в ГДР, в Польше и в приграничных округах. А мы здесь по тылам, во втором и в третьем эшелоне должны только шум поднимать и демонстрировать нашу готовность.

— А если вдруг и вправду дело до войны дойдет? Если американцы вмешаются?

— За это ты будь спокоен. Никто никогда не вмешается. Они все стерпят. Чем больше нашего нахальства, тем больше у них терпения. Посольства наши они, конечно, камнями забросают, а потом своими же средствами нам все и восстановят. Все до копейки возместят. А после того начнется обычное смягчение международной обстановки, и через неделю все забудется. Их правительства заинтересованы будут все поскорее забыть. Ну давай по последней, и все. Завтра мобилизация начинается.

Мобилизация 68-го года проходила без всякой маскировки, демонстративно. Сначала пресса объявляла о крупных учениях, затем следовал призыв резервистов на учения, затем учения завершались, а резервисты оставались в армии.

В течение нескольких месяцев были проведены крупнейшие учения Ракетных войск стратегического назначения, затем учения флота, войск ПВО страны, ВВС, бесчисленные учения армий и дивизий Сухопутных войск. Затем были проведены учения войск Связи, на которых были проверены все элементы управления гигантской армией, учения войск тыла, на которых тысячи тонн боеприпасов и десятки тысяч тонн горючего были перемещены к западным границам, и, наконец, командно-штабные учения на территории Чехословакии, на которых все командиры, до командиров батальонов, а иногда и рот, изучали на местности свои конкретные задачи на случай вторжения. Со стороны все это, конечно, выглядело очень внушительно.

Изнутри это выглядело несколько иначе.

Процесс отмобилизования армии — это, во-первых, доукомплектование существующих подразделений, частей и соединений, во-вторых, развертывание

новых и, в-третьих, их необходимая подготовка и боевое сколачивание.

Процесс доукомплектования в нашей дивизии проходил, в основном, без особых осложнений. В мирное время большинство советских дивизий содержится по сокращенным штатам, например, в каждом артиллерийском расчете не по семь человек, а по два: командир и наводчик, при мобилизации все вакансии заполняются резервистами. В случае, даже если они десять лет не служили в армии и забыли все, такой расчет после короткой подготовки вполне боеспособен. То же самое происходит с пехотой, танкистами, саперами и так далее. Хуже нас при мобилизации приходится подразделениям связи, зенитных и противотанковых ракет, разведчикам, химикам, то есть тем, где солдат выполняет индивидуальную, отличную от других работу. Все эти подразделения в течение четырех месяцев так и не были доведены до состояния боеготовных.

Дивизии сокращенного состава по советской официальной терминологии именуются «кадрированными», злые же языки их именуют «кастрированными». И это действительно так, особенно там, где процент резервистов очень высок. В нашем танковом батальоне, например, в каждом танке вместо четырех танкистов было три, не хватало заряжающего. Когда его включали в состав экипажа, танк быстро становился в число боеготовных. Во всех же остальных танковых батальонах, а их всего семь в каждой мотострелковой дивизии, в каждом танке было лишь по одному танкисту: только водители. Всего одиннадцать человек в роте: командир роты капитан и десять водителей. При мобилизации всех остальных: наводчиков, заряжающих, командиров танков и даже старшину роты и командиров взводов пришлось набирать из резервистов. Все они, кроме командиров взводов, служили в танковых войсках лет пять — десять тому назад, часто на других типах танков. Командиры же взводов не служили никогда и нигде, и не только о танках, современной технике и тактике, но и об армии вообще ничего не знали. Командиры взводов были из бывших студентов, которые в гражданских институтах прослушали когда-то курс лекций по военным вопросам и по выпуску получили звание младших лейтенантов запаса.

Но самые большие проблемы были с пехотой. Не только от того, что степень кадрирования тут самая высокая, не только от того, что пехота комплектуется самыми худшими солдатами, которые зачастую не понимают языка своих командиров и друг друга. Хуже всего, одиако, было то, что пехота не имела техники. Мотострелковая дивизия должна иметь 410 бронетранспортеров, их же у иас было только 40, только в иашем парадном полку. В других полках дивизии, в других дивизиях армии и в других армиях округа их ие было. Многие полки имели по 3—4 бронетраиспортера для боевой подготовки, но сейчас все они становились командирскими машииами командиров батальонов, а уже для начальииков штабов ничего не оставалось.

Что ж, пехоту в крайнем случае можио перевозить и на грузовых машинах. Беда в том, что и их не было. Машин грузовых, которые стояли на консервации в нашей дивизии, хватило только для двух батальонов, еще одии на бронетраиспортерах, а шести остальным мотострелковым батальонам дивизии предстояло использовать технику, приходящую по мобилизации.

Все автомобили Советского Союза состоят на воеииом учете. Если вы покупаете легковую «Волгу», вас предупреждают, что она в любой момент может быть конфисковаиа для военных целей. Про все самосвалы, такси и бензовозы я уже и не говорю. Каждая из них состоит на особом учете и при мобилизации поступает в армию. При мобилизации замирает вся хозяйственная жизнь страны, ибо все машины, тракторы, бульдозеры, краны, экскаваторы — все уходит в армию. Кто придумал такое безумие, сказать трудно. Система эта живет давно, но она могла существовать в тридцатые и сороковые годы, когда страиа еще могла сама прокормить себя, когда существовали даже во время повальиого голода резервы продовольствия, когда основной тягловой и транспортиой силой деревии была лошадь. Сейчас, когда страна ие в состоянии более прокормить себя, когда она не имеет больше никаких резервов продовольствия (в октябре 64-го это было продемонстрировано всему миру), когда сельское хозяйство больше не имеет лошадей, забрать оттуда сразу всех мужчин, все тракторы и машииы — это, конечио, бе-

зумие. Те, кто планирует будущую войну, должны в таких условиях рассчитывать или иа внезапную, короткую, молниеиосную войну с прнменением всех своих ядериых средств в первые минуты, лнбо пораженне, если война продлится хотя бы больше месяца.

Тем временем дивизня начала получать эти самые прнписиые машнны. То, что мы получали, было чистым нздевательством. Это были машины, которые с коивейеров заводов когда-то поступили в армию. Подавляющее большинство поступающих в армию машии ставится в длительиую консервацню. После 10 лет хранения нх переводят в разряд обычных армейских машин, а новые, прибывающие с заводов, консервируют. После трех, четырех, а иногда и пяти лет беспощадной армейской эксплуатации в условиях полнейшего бездорожья, машины признаются окончательио непригодными к эксплуатации и только после этого поступают в сельское хозяйство, ио каждая из иих состоит иа военном учете и обязана вернуться в армию при мобилизации.

В 68-м году перед Чехословакией мы получали машнны, выпущенные в 50 и 51-м годах. За время их жнзни Малеиков сменил Сталнна, Хрущев Маленкова, а Брежнев Хрущева. За время их жизни Советскнй Союз совершнл титаиический рывок в космос, запустив спутник н Гагарина, а затем, исчерпав все прениущества внезапности и трофейной немецкой техиологни, отказался от дальнейшей космической гоики. А эти старушки все жили и жилн, все ждали своего часа. И вот час пробил!

После получеиия «боевой техиики» пехоте запретилн появляться из лесов. На дорогах и в полях тренировались только танкисты, артиллерия да один парадный батальон иа бронетранспортерах. Все же остальиые стояли вдоль лесных просек и на лесиых поляиах. Возможно, нз космоса это выглядело грозно. Но не на земле. Командоваине боялось перепугать местных жителей видом нашего воинства. Толстые, забывшие все солдаты, иеобученные и недисциплиннроваииые,— на старых, до предела изиошеииых разнотипных машииах, выкрашеииых во все цвета радугн.

Надо отдать должное советским военным руководителям, ни одна из этнх «диких днвизий» не

только не появилась в Европе, но и не перемещалась днем по территории Советского Союза. Их существование же принесло советскому руководству немалый капитал, американцы видели из космоса новые и новые дивизии, которые росли, как грибы. Их разведка видела мощные танковые колонны на дорогах и предполагала, что в лесах стоит несметная сила пехоты. Так оно и было. Только сила была неорганизованной, неуправляемой, а главное, не способной воевать.

После первого этапа мобилизации — доукомплектования частей и соединений, начался второй этап — развертывание новых подразделений, частей и соединений.

Резервисты продолжали прибывать, «боевая техника» тоже. Подразделения разбухали, и в одну прекрасную ночь получали вдруг приказ раздвоиться. При этом заместитель командира дивизии становился командиром новой дивизии, заместитель начальника штаба превращался в начальника штаба новой дивизии «второго формирования», как это называется официально. Командиры батальонов в эту ночь становились командирами полков, а командиры рот — командирами батальонов. Беда только в том, что командиры взводов, из студентов, никогда не видевших армии, становились уже не взводными, а ротными командирами. На взводы же выдвигались сержанты из резервистов.

После разделения надвое каждый полк и каждая дивизия вновь начинают этап доукомплектования, но на этот раз резервистами более старших возрастов и еще более старыми машинами. Число резервистов становится угрожающим, и армия окончательно теряет свое лицо. С теми дивизиями, которые предназначались для захвата Чехословакии, этого, конечно, не происходило, а если и происходило, то в значительно меньшей степени. Нам от этого было, однако, не легче. Те дивизии надо было тоже как-то доукомплектовывать, и мы вдруг с ужасом увидели, что из наших теперь уже двух дивизий начали понемногу забирать людей и технику. Самых, конечно, лучших людей и лучшую технику. Из танковых экипажей, которые удалось с таким

трудом сколотить, стали забирать строевых солдат, замещая их резервистами.

Через пару дней волна эта докатилась и до нас. Из сорока бронетранспортеров двадцать приказано было подготовить к отправке в Прикарпатский военный округ. Еще через день 12 молодых кадровых офицеров получили приказ о переводе в Прикарпатье. А за ними пошло и пошло. Каждый день приносил новости: забрали всех водителей танков, забирают кадровых связистов, забирают начальников штабов. В лесу мы стояли уже второй месяц. Резервисты прибывали. Дисциплина падала. Где-то в начале июля пришел приказ о создании в каждой дивизии полевых трибуналов. Видимо, к этому моменту количество «диких дивизий» настолько возросло и каждая из них была настолько обескровлена постоянным оттоком кадровых офицеров, сержантов и солдат, что всем этим воинством уже невозможно было управлять иначе, чем через трибуналы.

Трибуналы быстро восстановили порядок, но не выучку войск. Ежедневные тренировки продолжались. В нашем полку возникли новые трудности. После отправки половины бронетранспортеров у нас их осталось только двадцать. По два отдали командирам второго и третьего батальонов, а 16 осталось в первом. Разделили их по-братски: один командиру батальона и по пять в каждую роту. В роте 76 человек. Каждый бронетранспортер вмещает теоретически по 15 человек, кроме водителя, так что разместить всех можно. Теоретически. На практике же первый БТР идет командиру роты, и в нем вместе с командиром размещаются замполит, санинструктор, пулеметное отделение роты с очень большим запасом патронов и старшина роты со всем ротным имуществом. Ведь командирский БТР не только внутри полностью забит, но и сверху весь обвешан ящиками, бочками, канистрами.

На три остальных взвода, по 22 человека в каждом, приходится четыре остальных бронетранспортера. По одному на взвод и один БТР на остатки всех трех взводов. То, что в бою взводы и отделения окажутся разорванными на части, никого не волнует, сейчас не про бой думать надо, а о том, как разместить людей в бронетранспортерах. Никаких дополнительных машин, даже побитых и изношенных,

ни полку, ни батальону, ни округу никто, конечно, не даст. Где же их набрать? Да и полк-то наш и так самый счастливый среди армий округа. Это ценить надо! Ни у кого другого нет таких привилегий.

Итак, в каждый из бронетранспортеров, в которые входит по 15 человек, надо усадить по 16. Да мы и не по столько возили на учениях! По 30 человек вбивали, и то ничего! Однако учения и предбоевая обстановка несколько различаются между собой. В предбоевой обстановке в каждом бронетранспортере помимо всего оружия пехоты положено еще иметь гранатомет РПГ-7 и 10 гранат к нему. Десять гранат — это два больших ящика. Кроме того, 20 ручных гранат Ф-1, это еще ящик. Пулемет СГМБ и 2000 патронов к нему, это еще два ящика. БТР должен иметь две дополнительные бочки бензина, это сверху вешается, и запасное колесо, его можно приспособить только на броневой крыше, после чего один из люков не будет открываться. Далее, каждый из солдат имеет с собой автомат, пулемет или гранатомет, к каждому автомату по 300 патронов и к каждому ручному пулемету по 1000. Кроме того, каждый солдат имеет: две гранаты, штык, противогаз, защитный резиновый комбинезон, противоатомные резиновые сапоги и перчатки, шинель, плащпалатку, смену белья, запас продуктов на пять дней, флягу воды, лопату, индивидуальный медицинский и противоатомный пакет. Когда все это сложено в БТР, то не только 16 человек, одного посадить некуда. Хорошо раньше было — бронетранспортеры крыши броневой не имели, сажай всех сверху, как деревенских девок на подводу с сеном. После Венгрии выпуск таких бронетранспортеров был прекращен. Теперь их нужно — всех 16 — через люки вбить под крышу.

Занятие это нелегкое, особенно учитывая толщину резервистов. Иногда эта операция занимает минут сорок. Случись что, перевернется машина или загорится, кроме водителя и командира, у которых места отгорожены от других, никто оттуда живым не выйдет. Про бой и речь не идет. Как же они там дышат, спрессованные хуже сельдей в бочке? Солдатский ум нашел выход и из этого положения. Каждый надевает на себя противогаз, отсоединив предварительно фильтрующую коробку от шланга,

и затем шланги просовывают в открытые люки и амбразуры. Летом в резиновой маске, сжатым со всех сторон спинами, задницами, сапогами, стволами и прикладами, не очень, конечно, приятно, зато дышать есть чем.

На учениях, да еще когда заморские атташе присутствуют, все это не так делается, но ведь учения — это одно, особенно показные, а суровая армейская действительность — несколько другое.

Поздним вечером после очередной тренировки солдат по размещению в БТР (а на другое уже и времени не оставалось) я получил приказ срочно отбыть в штаб Прикарпатского военного округа. На мое место становился командир первого взвода, младший лейтенант из резервистов. Услышав о своем новом назначении на дожность ротного, он невесело глянул на наши бронетранспортеры, на резервистов, которых сержанты с трудом по одному вытаскивали из люков, присвистнул протяжно и замысловато выматерился.

ОСВОБОДИТЕЛИ

Ураган перемещений, перестановок,
переформирований и доукомплектований
захватил и меня и бросил во 2-й батальон 274-го полка
24-й Самаро-Ульяновской Бердичевской Железной
трижды Краснознаменной орденов Суворова
и Богдана Хмельницкого мотострелковой дивизии
38-й Армии Прикарпатского военного округа.
Слова «трижды Краснознаменная»
в пышном титуле дивизии означали,
что она награждена
тремя орденами Красного знамени.
Однако злые языки именовали дивизию
не трижды Краснознаменной, а трижды проклятой.
Полностью она именовалась «24-я Ржавая,
Бронекопытная, Трижды проклятая».

До чего же зрелище захватывающее — смена караула у Мавзолея. Сотни раз я прихожу на Красную площадь, а налюбоваться четкостью и выправ-

кой не могу. Тянет меня туда. Так бы и стоял часами да любовался.

Да и как не любоваться! Лучшие из лучших, тренированные до артистизма, лучше тренированы, чем советские гимнасты на Олимпийских играх. Красавцы!

В самом Кремле их полк. Целый полк! КГБ! Не верится? А вот зайди со стороны Александровского сада и глянь, сколько этажей в их казарме. Вроде два. А присмотришься ближе — четыре. Окна громадные. В каждом окне два этажа. Присмотрись только, и увидишь. Итак, четыре. Это над Кремлевской стенкой столько возвышается. А сколько этажей стенка закрывает? А теперь зайди в Кремль и глянь на казармы со стороны Царь-колокола и увидишь, что дом-то наш не просто дом, а громадное прямоугольное сооружение с внутренним двором. А теперь вновь войди через Троицкие ворота в Александровский сад и попробуй шагами посчитать длину этого здания. Сколько получится? То-то, туда не то что полк, а и больше вместить можно, без танков и артиллерии, конечно.

А теперь в воскресный день приди к Кремлю, полюбуйся, сколько этих парнишек гуляет. А пять процентов — это максимум, что командир полка в город может одновременно выпустить. Но это командир обыкновенного полка, а в Кремле полк не совсем обыкновенный. Но даже если командир и выпускает по пять процентов своих орлов в город погулять, то все равно много их в Кремле получается. А если все же мы видим не пять процентов, а только два или три, сколько же их внутри осталось?

Ходят ребята важные, гордые. Как не гордиться? Раньше одного Ильича стерегли, а теперь двоих. Форма у них знатная: шинели, шапки, сапоги — все офицерское. Погоны синие, буквы золотом горят «ГБ». Стой, а отчего же не КГБ, а только ГБ? Это понимать надо. «К» — комитет значит. Не солидно, МГБ солиднее. Но «ГБ» лучше всего. Госбезопасность!!! Эдак-то веско, внушительно. Над всеми министерствами и комитетами, включая и Центральный, «ГБ» — хрустальная мечта комитета. Но не только мечта, конечно. Если уж сейчас не стесняются они первую букву отбрасывать и каждый день

Центральному Комитету демонстрировать кучу презрения ко всем комитетам! ГБ — и точка.

Итак, лучшие из самых наилучших. Целый полк, только без танков. Но танки и не очень нужны: стенки у Кремля еще крепкие.

Ну а случись что, переворотец какой, особенно если армия, да с танками, да против ленинского ЦК? Как тогда?

На этот счет ты, братец мой, не беспокойся. На тот случай дивизия имени товарища Дзержинского придумана. С танками, с артиллерией, со всем, чем положено. Дивизия, правда, именуется дивизией Внутренних войск, то есть Министерства внутренних дел. Но ты маскараду не верь. Мало ли КГБ под кого маскируется! Так что на форму дивизии имени Дзержинского нечего смотреть. Маскарад! С каких это пор защита любимых вождей перешла в руки МВД? Ась? Всегда это было первой задачей КГБ. Дивизия для того и создана была. Так во всех справочниках и пишется: лично по указанию Ленина и для защиты Ленина лично. А вот товарищ Рой Медведев пишет, что охрана дорогого Ильича состояла из двух — четырех человек, а про дивизию имени Дзержинского товарищ Медведев как-то забывает. А дивизия этой ролью зело гордится. 18 тысяч человек и все одного Ленина стерегли. И латышские стрелки этим же гордятся, и Московское училище имени Верховного Совета, и Кремлевские пулеметные курсы, вон сколько набирается. А вы, товарищ Медведев, называетесь марксистом-ленинцем, а в Музее Ленина, видать, не побывали. А там про это очень ясно сказано.

Итак, дивизия охраны вождей. Укомплектована лучшими из наилучших. Трижды проверенными. Передовиками производства, активистами, спортсменами.

Кроме дивизии имени Дзержинского есть у ГБ и другие полки и дивизии. Все укомплектованы самыми лучшими солдатами. Но кроме просто войск КГБ, есть еще и войска правительственной связи КГБ. Много ли? Ох много! Связь со всеми министерствами и ведомствами, со всеми республиками, краями, областями, районами, со всеми испытательными полигонами, космодромами, тюрьмами и лагерями, крупными заводами, фабриками, рудниками

и шахтами, со всеми военными округами, армиями, корпусами, дивизиями и уж, конечно, с братскими партиями. И все это связь, связь, связь. Кабели, коммутаторы, шифровальные машины, подслушивающие посты. И все это надо строить, обслуживать и охранять. И все это войска, войска, войска. Самые отборные, конечно. Ибо каждый день человек должен слушать секреты и никому не рассказывать. И наслушавшись наших неутешительных секретов, чтобы и не повесился, и в Америку чтоб не сбежал. Сколько сюда нужно солдат! Но это еще не Советская Армия, не Министерство обороны. Эти сами слушают и докладывают кому следует, о чем в Министерстве обороны толкуют. Но и это еще не все и даже не главная сила КГБ. Пограничные войска — вот где сила. Десять округов!!! Девять округов пограничных войск, то есть войск КГБ, с танками, с вертолетами, с артиллерией, с боевыми кораблями.

Все, конечно, самые наилучшие, самые отборные, ибо пограничник придуман для того, чтоб никто из нашего прекрасного общества не сбежал. А самого его никто не охраняет! Стоит он на самой границе. Шаг ступил в сторону, вот уж и за границей. Так вот, чтобы он не сбежал, во все девять округов КГБ отбирают самых лучших и самых наилучших.

А все те, кто не попал в эту гигантскую организацию, попадают во Внутренние войска. Это тоже еще не Министерство обороны, это пока Министерство внутренних дел. Пока это еще не армия, хотя тоже полки, дивизии, танки и пушки.

— Чем занимаемся, братцы?

— Лагерь охраняем!

— Что ж, нужное дело. Ответственное. А много ль вас?

— Ох много! По одному закону «Об усилении ответственности за хулиганство» за десять лет 8 000 000 (восемь миллионов) человек посадили. А по другим статьям и законам тоже ведь сажают. Всех охранять надо.

— Небось лучших берут?

— А как же. Такие нужны, чтоб в роду ни у кого судимости не было. А еще такие нужны, чтоб, пообщавшись с зэками, не нахватались бы чего не нужно, а нахватавшись бы, близко чтоб к сердцу не принимали, а приняв близко, чтоб услышанное не

разносили, а если и разносили бы, так чтоб недалеко.

— Где ж вам таких набрать?

— Да перебиваемся кое-как.

Так вот те, кто не попал ни в ГБ, ни во Внутренние войска, попадают в Советскую Армию, несокрушимую и легендарную.

Любая уважающая себя армия состоит из трех видов вооруженных сил, каждый из которых делится на рода войск. Советская Армия уважает себя больше всех и оттого состоит не из трех видов вооруженных сил, а из пяти. Кроме Сухопутных войск, Авиации и Флота существуют еще два совершенно равноправных компонента: войска ПВО страны и Ракетные войска стратегического назначения. Но кроме пяти видов вооруженных сил существуют еще и ВДВ — Воздушно-десантные войска, которые не являются отдельным видом вооруженных сил, но никому, кроме Министра обороны, не подчиняются. И командует ими генерал армии, так как и Сухопутными войсками, например.

А в этих самых ВДВ не много и не мало, а восемь дивизий, а вся Британская армия, к примеру, четыре дивизии. Я повторяю, вся армия Великобритании состоит из четырех дивизий и все!!! Три дивизии в Германии и одна на острове. Как сравнишь это, сразу как-то представление об агрессивности блока НАТО несколько меркнет.

Так вот, в эти самые ВДВ отбирают самых лучших солдат, самых смелых, самых выносливых, смышленых и развитых, и наиболее крепких физически. Еще бы! Прыжки дневные и ночные в любых условиях, действия в тылу противника против его самых важных объектов. Действия в полной изоляции от своих войск, без подвоза боеприпасов, горючего, продовольствия, без эвакуации раненых. Своих раненых десантники должны сами убивать, чтобы они не попали в руки врага и не раскрыли планов и намерений десанта. Десанту внезапность нужна! ВДВ по численности равны двум таким армиям, как Британская, и укомплектованы самыми первоклассными солдатами, сильными, решительными, стойкими. А вот тех, кто не попал в ВДВ, забирают в Ракетные войска стратегического назначения — РВСН. То, что туда набирают самых лучших, нам с тобой,

конечно, понятно. Вопрос в том, сколько наилучших солдат туда надо. Всего в РВСН три армии, а каждая армия состоит из корпусов, три-четыре корпуса в армии, а уж каждый корпус состоит из дивизий. Иногда в корпусе три дивизии, а иногда и пять. Так что много дивизий набирается. Тут уж с Британской армией и равнять нечего.

После того как РВСН в военкоматах отберут себе самых лучших солдат, наступает очередь Войск ПВО страны. Туда нужно несравненно больше солдат, но все они должны быть самыми наилучшими. ПВО страны — это борьба со спутниками, межконтинентальными баллистическими и крылатыми ракетами, стратегическими бомбардировщиками. ПВО страны это три рода войск: авиация, Зенитно-ракетные войска и Радиотехнические войска. Авиация ПВО — это самая лучшая авиация, это самые быстрые самолеты-перехватчики. Радиотехнические войска — это тысячи самых разных локаторов, которые стерегут небо днем и ночью, и, наконец, Зенитно-ракетные войска ПВО. Все эти три рода войск сведены в два округа — Московский и Бакинский, а каждый округ — это группа армий ПВО. Но кроме двух округов имеется несколько отдельных, не подчиненных округам армий ПВО.

После ПВО страны наступает очередь авиации. Не путайте с авиацией ПВО. Авиация вообще, а вернее ВВС, к авиации ПВО никакого отношения не имеет. ВВС — это 16 воздушных армий фронтовой авиации, 3 корпуса стратегической авиации и 6 дивизий военно-транспортной авиации. Армии фронтовой авиации состоят каждая из шести дивизий, а корпуса Дальней авиации имеют по две-три дивизии. Не будем спорить с тем, что в авиации должны находиться самые лучшие солдаты, отвечающие самым высоким требованиям.

А вот после ВВС отбор ведет флот, вернее ВМФ. Флот, он тоже громаден, он имеет и морскую пехоту, куда требования высокие, как и в ВДВ, он имеет колоссальное количество стратегических ракет, и к матросам, обслуживающим эти ракеты, столь же высокие требования, как к солдатам РВСН, а может, и выше, так как запуск ракеты из-под воды с атомной подводной лодки несравненно сложнее, чем старт с подземной установки. Имеет флот и свою ПВО и очень мощную авиацию флота, которая к ВВС и к авиации

ПВО страны никакого отношения не имеет. И повсюду нужны, конечно, самые умные, самые грамотные, самые смелые и решительные, самые сильные и выносливые. А вот все остальные и попадают в Сухопутные войска.

Самых лучших, кто попал сюда, направляют, конечно, за рубеж. Пусть освобожденные народы любуются на своих освободителей!!! Тут нужны самые наилучшие, чтоб лицом в грязь перед Европой не ударить. Это понятно. А много ли туда нужно — в эту самую освобожденную Европу? Ой, много!

Возьмем, к примеру, ФРГ, реваншистское государство и ее свирепую армию Бундесвер, которым ежедневно пугают у нас в Союзе всех — от пионеров до пенсионеров. Так вот этот самый реваншистский Бундесвер имеет 12 дивизий. Всего. Всяких. Танковых, мотопехотных, егерских, горно-пехотных и воздушно-десантных. А всего их всех 12. Все эти 12 дивизий сведены в три корпуса, армий у них нет.

Так вот против этих 12 дивизий мы только в ГДР держим 5 (ПЯТЬ!!!) армий Сухопутных войск и одну воздушную армию ВВС. Все эти шесть армий именуются ГСВГ — Группа советских войск в Германии. А кроме ГСВГ есть еще Северная группа войск — это советские войска в Польше. Центральная группа — это в Чехословакии и Южная — в Венгрии. И все эти четыре группы войск нужно укомплектовать самыми лучшими из наилучших.

Те молодые солдаты, что по каким-то причинам не попали в число сотен тысяч лучших из лучших, которые служат в освобожденной Европе, попадают в Сухопутные войска, но уже на территории Советского Союза. Прямо скажем, что после многочисленных отборов миллионов самых наилучших тут остаются солдаты отличные, но не столь отличные, как, к примеру, в ГБ, в ПВ КГБ, ВВ МВД, в ВДВ, РВСН, ПВО страны, ВВС, ВМФ, ГСВГ, ЦГВ, СГВ и ЮГВ.

Солдаты, которые остались, конечно, отличные, первоклассные... но немного уже не то.

Так вот, Сухопутные войска на территории Советского Союза объединены в 16 округов, для ясности — 16 групп армий!!!

И все эти армии и группы армий надо укомплектовать, но на этот раз не самыми наилучшими, а теми, что остались.

Сухопутные войска Советской Армии организм гигантский. И смело скажем, что ни китайцы, ни американцы, никто иной и ни все, вместе взятые,— такого гигантского и мощного организма не имеют.

Но как теперь армию укомплектовать? Самую большую армию в мире? Если у нас на полях урожаи некому убирать?

Все, что перечислено выше, конечно, комплектуется в первую очередь и лучшими. А вот теперь про остальных...

Сухопутные войска имеют свои ВДВ, которые носят такую же форму, но подчинены командующим округами, можно сказать, не ВДВ вообще, а ВДВ Сухопутных войск. Их официальное название — Войска специального назначения, а короче — СПЕЦНАЗ.

Имеют сухопутные войска и свою авиацию, это бригады противотанковых вертолетов. Имеются также Ракетные войска Сухопутных войск, ПВО Сухопутных войск и многое, многое другое. И при отборе сюда существуют такие же жесткие стандарты, как и при отборе в ВДВ, в ПВО страны, в ВВС, в РВСН.

И вот только после этого то, что осталось, поступает на комплектование мотострелковых и танковых дивизий.

Итак, эшелоны новобранцев привезли в дивизию.

Лучших сразу забирают в отдельный ракетный дивизион дивизии. Это главная ударная сила дивизии. Шесть пусковых установок, каждая из которых может сделать по три Хиросимы.

После этого лучших забирают в отдельный реактивный дивизион. После отбор лучших ведет отдельный разведывательный батальон. Это и понятно — лучших в разведку. Уж после этого лучших выбирают отдельный противотанковый дивизион и отдельный батальон связи. Все это входит в состав каждой дивизии. Без всех этих элементов дивизия жить и воевать не сможет.

После всех отдельных батальонов и дивизионов наступает очередь зенитно-ракетного полка дивизии, такой полк в каждой дивизии есть и без него в бою жить нельзя, а поэтому лучших туда.

А уж после этого полка идет очередь артиллерийского полка, и такой полк в каждой дивизии есть. И недаром поется:

Умный в артиллерии,
Щеголь в кавалерии,
Лодырь во флоте,
Дурак в пехоте!!

Так вот, когда всех умных заберут в артиллерию, всех остальных и отправляют в мотострелковые и танковые полки.

Беда только в том, что и в каждом полку есть своя разведывательная рота, своя зенитно-ракетная батарея, своя артиллерийская батарея, а сейчас даже дивизион, своя реактивная батарея, рота связи и пр. и пр. Туда, конечно, лучших отбирают!..

Глянул я на свою гвардейскую роту, закусил губу и ничего не сказал. Не вызывал я офицеров для беседы, не разговаривал с сержантами. И к соседним командирам рот не пошел знакомиться. Посмотрел я на роту и все...

После знакомства с личным составом положено принимать боевую технику и вооружение роты, а после — имущество роты и боеприпасы. Но не пошел я в парк боевых машин. Нет...

Пошел я прямо в офицерский кабак с лирическим названием «Звездочка», то ли небесная, то ли очередная на погон, то ли Красная на грудь. Каждый может трактовать название в зависимости от своих потребностей.

Сисястой буфетчице сунул я лишний рваный рубль, чтоб, значит, пузырек поднесла, не положено потому как офицеру официально выпить. Поставил я тот пузырек под стол, да так, потихоньку подливая в стакашку вместо лимонада, к вечеру я этот пузырек и засосал в гордом одиночестве.

Но не развеселился я, нет. Только тоски прибавилось. На хрена ж, думаю, такую систему придумали? Кто придумал? Как ни крутись, а воевать на поле боя танкистам да пехоте, не ракетчикам же и не КГБистам. Бить врага не числом, а умением надо. А гвардейцы мои языка русского не понимают! Языка своего командира! И друг друга тоже не понимают, потому что все нации перемешаны. Кто хоть немного что-то понимает, тех давно или в артиллерию или в разведку забрали. Зачем же стадо такое держать? Отправить всех в строительные части, больше толку

будет! А армию иметь помеиьше, но пусть же оии хоть немного друг друга понимают!! А случись войиа? Это же в сто раз хуже, чем арабское войско, там хоть офицеры с солдатами объясииться между собой могли. Что же мне делать с иими?

Ну ие войиа, думал я, ну мир, ио их же всех придется учить чему-то. Тактике, иапример. Если ученик не понимает своего учителя, его даже в шахматы ие иаучишь играть. А в шахматах вся обстановка, как на ладони, любая угроза видиа, только аиализируй. На поле боя ситуация не ясиа, и угроза может возиикать с любой стороиы и виезапио. И противник ие ждет, когда ты обдумаешь свой ответиый ход, ои ходит и ходит, проводит блестящие комбииации, не дожидаясь ответиых ходов. И расплата за проигрыш на поле боя ие шахматная короиа, ие одии-другой миллион долларов, а жизиь миллиоиов людей. И каждому хочется выиграть. Противиик ие дурак! Ои каждую свою комбинацию иа поле боя сто раз иа электроиной машиие проигрывает предварительно. Как же мы воевать будем? В 41-м году не было всяких этих РВСН или ПВО СВ, оттого хоть пехотные дивизии первоклассными солдатами укомплектовывались. Оттого, может, и выстояли. И иациоиальные дивизии были — латышские, грузииские; комаидир дивизии порусски поиимает, и достаточио. А как теперь?

Заказал я второй пузырек и, выпив половину, почувствовал такую жалость к себе и своему иесчастиому Отечеству, что просто иевыиосимо стало.

Уже к закрытию кабака подсели ко мие два пехотных капитаиа, то ли зиакомиться, а может, третьего искали. На их приветствия я, наверное, ответил ие очень вежливо.

— Новый офицерик-то...

— Плачет никак...

— Да оии всегда, иовые, в этом углу плачут...

— Ничего, отойдет... Оклемается... Все мы с этого иачииали.

Это последнее, что я слышал. Наверное, два капитана, поияв мое состояние и настроеиие, дотащили меия глубокой иочью в офицерскую гостиницу.

В ту иочь меня, вдрызг пьяиого, виовь кто-то тащил из офицерской гостииицы в мою роту. Меия аккуратно положили в командирской машине, и колоииа троиулась.

В ту ночь наш полк подняли по боевой тревоге. Братский народ Чехословакии просил нашей помощи и защиты.

У ПОСЛЕДНЕГО РУБЕЖА

Западная Украина

Август 1968 года

— Хлеб скоро начнет осыпаться.

— Что же они там наверху думают?

— Думаешь, им легко? Чехи повода не дают, чтобы их защищать, коммунистов пока не убивают и чекистов на фонарях не вешают. Не от кого защищать. Как в такой ситуации войска вводить?

— Они в первую очередь о себе должны думать, о своей стране, а не о каких-то чехах и общественном мнении. Вводить пора.

— Ну они-то там понимают, когда надо, когда не надо.

— Ни хрена они не понимают. Если через неделю войска не введут в Чехословакию, то нам конец наступит.

— Это еще почему?

— Потому, что хлеб осыпаться начнет, потому, что убирать его некому, потому, что мужиков всех и машины все из колхозов забрали. Не уберем хлеб, все сначала начнется, как в 64-м.

— Американцы нас поддержат! — уверенно сказал ПНШ.

— А если нет?

— Поддержат, куда они денутся!

— Всех нас они все равно прокормить не смогут. Видал, сколько народу намобилизовали! В 64-м хоть какой-то урожай собрали, а теперь никакого не будет. Американцы не смогут всех прокормить.

— За американцев не беспокойся. Они богатые. У них продуктов сколько хошь: всем хватит.

Сомнение в том, что вдруг все-таки американцы нас не поддержат, не проходило, и разговоры о том, что пора кончать канитель и отпустить мужиков на уборку, возникали вновь и вновь.

— А если мужиков и армию сейчас срочно бро-

сить на урожай, а Чехословакию освободить после уборки, в октябре или ноябре?

— Гибельный вариант. Это нам тоже конец. Конец всей советской власти и завоеваниям социализма. Вводить сейчас надо. В противном случае там все рухнет, нечего защищать будет.

— Они говорят, другой социализм строят, с человеческим лицом.

— А вот это уже вражья пропаганда,— оборвал замполит.— У любого социализма только одно лицо бывает. Буржуазия, товарищи, придумала теорию конвергенции, эта теория противоречит марксизму и не содержит ни капли здравого смысла. Одной задницей на двух стульях сидеть нельзя, неудобно просто. Вы сами, товарищи, посудите: какая может быть конвергенция, если от завоеваний социализма нельзя оторвать ни одного из его преимуществ?

Вы помните, как один антисоветчик в эпоху волюнтаризма гнусную клевету на наш строй написал, называлась она «Один день Ивана Денисовича» или «Ивана Трофимовича»? Что из этого получилось? Все несознательные элементы зашевелились. Распространять эту клевету начали. Недоверие пошло к политике партии и прочее. Вовремя это пресекли, а так неизвестно, чем бы все это кончилось.

С этим нельзя было не согласиться. Сам я про того Ивана не читал, не попадался он мне в руки, но то, что эффект от него был оглушительным, помню точно.

— Так до чего додумались товарищи чешские коммунисты? — продолжал замполит.— Отменили цензуру начисто! Открыли шлюзы всей буржуазной пропаганде! Печатай, кто что знаешь! К чему это может привести? К конвергенции? Нет! К капитализму! Буржуазному влиянию достаточно только маленькую дырочку в плотине сделать, а там поток разорвет всю плотину! У нас такая дырочка была, спасибо партии: вовремя ее заделали! А в Чехословакии не дырочка, там вовсю уже хлещет! Заделывать срочно надо. Какая же это конвергенция, если каждый будет высказывать все, что ему захочется? Это не конвергенция, это чистой воды буржуазная анархия!

С этим тоже нельзя было не согласиться. Если от одного рассказика чуть вся система не рухнула, так что будет, если цензуру вообще отменить? И третьего

не дано — с цензурой или без нее, с органами или без них, с Центральным комитетом или без него. Действительно, какая же может быть конвергенция?

— Продолжайте, товарищ подполковник! — закричали из задних рядов. Мы тоже поддержали. Новый замполит в отличие от предыдущего говорил толково и вразумительно.

— И продолжу, товарищи. Социализм — система стройная, как алмаз, и такая же прочная, но достаточно гранильщику сделать одно неверное движение, и вся устойчивость кристалла может нарушиться и он рассыплется. В Чехословакии это уже сделано. Алмаз рассыпается. Но он является органической составляющей всего социалистического лагеря. И алмаз мирового социализма тоже может рассыпаться очень быстро. Дурной пример заразителен! Если буржуазия восторжествует в Чехословакии, неужели соседняя с ней Венгрия не последует туда же?

Мы ответили криками негодования. Начальник штаба третьего батальона лукаво улыбнулся и тихо спросил:

— Так когда же, товарищ подполковник? Мы все давно готовы выполнить интернациональный долг.

Замполита вопрос не смутил, хотя он сам, конечно, ничего не знал.

— Готовыми надо быть всегда!

Мы дружно зааплодировали бравому замполиту, организовавшему столь успешный импровизированный митинг.

События назревали. Всем было ясно, что введут скоро, только неясно, когда точно. Два дня назад был секретный приказ для офицеров о сформировании Прикарпатского и Центрального фронтов. Наш Прикарпатский фронт был создан на основе управления и войск Прикарпатского военного округа и нескольких польских дивизий. Командующим Прикарпатским фронтом был назначен генерал-полковник Бисярин. В состав фронта вошли четыре Армии: 13-я, 38-я, 8-я гвардейская танковая и 57-я воздушная. В тот же день 8-я гвардейская танковая Армия и часть сил 13-й Армии начали перемещение на территории Южной Польши, где в их состав были дополнительно включены польские дивизии.

Центральным фронтом командовал генерал-полковник Майоров. Фронт был сформирован на основе управления Прибалтийского военного округа с включением в него войск Прибалтийского военного округа, ГСВГ и СГВ, а также отдельных польских и восточногерманских дивизий. Центральный фронт имел стандартную организацию и был развернут в ГДР и Польше. Разграничительная линия фронтов проходила через Краков. В состав Центрального фронта вошли четыре армии: 11-я и 20-я гвардейские, 4-я гвардейская танковая, 37-я воздушная.

Много позже я узнал о том, что один фронт был также развернут и в Венгрии, но этот фронт в Чехословакию не входил, а только прикрывал действующую группировку. Кроме Южного фронта на территории Венгрии была развернута оперативная группа «Балатон». Эта группа в Чехословакию входила. В ее составе были две советские дивизии, а также болгарские и венгерские подразделения. Союзников включили в состав группы «Балатон» только «для мебели».

А хлеб осыпался.

Утром 19 августа офицерам был зачитан секретный приказ о сформировании Главного командования «Дунай». Главнокомандующим был назначен генерал армии Павловский. Его Ставка была развернута где-то в Южной Польше, возможно, у самой границы с Чехословакией. Главное командование «Дунай» взяло под свое командование Центральный и Прикарпатский фронты, оперативную группу «Балатон» и в качестве четвертого независимого элемента — две гвардейские воздушно-десантные дивизии. В первый день операции для обеспечения высадки десантных дивизий в распоряжение Главного командования «Дунай» выделялись пять дивизий военно-транспортной авиации.

Боевую тревогу нашему полку объявили в 23.00. По каналам закрытой связи всем фронтам, армиям, дивизиям, бригадам, полкам и батальонам был передан сигнал: «А ТЕПЕРЬ НАШЕ ВРЕМЯ». Этот сигнал предписывал всем командирам вскрыть один из пяти хранящихся у них секретных пакетов, четыре остальных в присутствии начальников штабов сжечь, не вскрывая. Операция была разработана в пяти ва-

риантах. Сейчас, когда один из них был одобрен и утвержден, остальные теряли силу и подлежали немедленному уничтожению.

Вскрытые одновременно тысячи секретных пакетов в один голос повелевали командирам всех степеней осуществить операцию «Дунай» в полной готовности продолжать боевые действия в соответствии с планами «Дунай-Канал» и «Дунай-Канал-Глобус».

Освобождение началось.

БЕЛЫЕ ПОЛОСЫ

Последняя остановка у государственной границы. Район города Ужгорода

Начальник штаба батальона положил на меня свинцовый взгляд и властно потребовал:

— Повтори!

Я вытянулся и, щелкнув каблуками, забарабанил давно известные слова «Распоряжения по взаимодействию на операцию „ДУНАЙ"»:

— Белая полоса — отличительный знак своих и союзных войск. Вся боевая техника советского и союзного производства без белых полос подлежит нейтрализации, желательно без стрельбы. Бесполосовые танки и другая боевая техника подлежат немедленному уничтожению без предупреждения и без команд сверху в случае сопротивления. При встрече с войсками НАТО немедленно останавливаться и без команды не стрелять.

Начальник штаба двинулся дальше вдоль шеренги офицеров, приказывая повторить давно всем надоевшее правило то одному, то другому офицеру. Наконец он завершил обход, вышел на середину и завершил инструктаж:

— Товарищи офицеры! Не стрелять по войскам НАТО — это совсем не значит не проявлять твердости и решительности! Там, где первый наш танк встретится с их танком, немедленно должен развернуться взвод или рота. Если возможно, то без стрельбы можно и вытолкнуть их кое-где с занятой территории. Наша задача — захватить как можно больше территории. Пусть потом дипломаты решают, где пройдет граница между Восточной и Западной Чехословакия-

ми. Дело чести, чтобы Восточная Социалистическая Чехословакия была больше Западной. Если возникнет стрельба, не горячиться. Лучше отойти назад на километр-два. В драку особенно не лезьте: им тоже ведь не очень хочется в нее лезть. Ну а если дело и вправду дойдет до драки, будьте готовы к худшему.

Начальник штаба ивовым прутом стегнул себя по пыльному сапогу и тихо, но внятно добавил:

— Каждый мерзавец, который вздумает перебежать к бесполосым или западным, должен быть уничтожен немедленно. На любые попытки стереть наши белые полосы и перейти в стан бесполосых вы должны отвечать немедленным расстрелом. Такое право дано каждому из вас. К сожалению, попытки стирать белые полосы возможны не только среди венгерских и польских подразделений, но и среди наших. Будем надеяться на лучшее.— И, сменив тон, он зычно рявкнул: — ПО МЕСТАМ!!!

Мы бросились к своим машинам, возле которых суетились солдаты и сержанты, завершая последний технический осмотр перед выступлением. А с другой стороны колонны так же бегом к ней приближалась плотная группа солдат и сержантов, которые только что получили инструктаж у офицера Особого отдела ГБ. Стукачей инструктируют всегда тайно. Но тут перед самой границей Особый отдел, видимо, получил новые инструкции, которые нужно было срочно довести до исполнителей — до стукачей. А кругом чистое поле, и времени в обрез. Как ты тут спрячешься? Вот и приходится их инструктировать прямо на глазах всего батальона. О чем у них шла речь, можно догадаться: им дали полномочия без предупреждения убивать нас, офицеров, если мы вдруг начнем стирать белые полосы.

Я резко увеличил скорость, вкладывая все силы молодого организма в стремительный бег, и всем своим существом вдруг понял, что мои собратья-офицеры тоже резко увеличили скорость: каждому хотелось добежать до колонны машин раньше стукачей и глянуть на них всех вместе, пока они не растворились в серо-зеленой солдатской массе.

Вот они! Плотной кучкой. Союз единомышленников. Вот они разделяются на группы, каждая бежит к своей роте. Знакомые все лица. Ах черт! На вон того, черненького, я никогда и не думал, что он посту-

кивает. Он вроде и по-русски говорить не умеет. Как же с ним ГБ общий язык нашло? Вот они смешались с плотной массой солдат. Похоже, что их товарищи не догадываются о причинах их отсутствия: молодые еще солдатики, да и разговаривают на разных языках. Мало чего понимают в происходящем. А ГБ все же не такое глупое. Вынуждены были чекисты в чистом поле собрать стукачей. Но не всех собрали, а лишь некоторых. Голову даю на отрез, что мой личный радист стучит на меня. А вот не вызвали же его на инструктаж! Может быть, раньше ему инструкцию дали, а может быть, один из тех, кто был на инструктаже, ему тайно сообщит подробности. Сколько их в роте? Сколько их в батальоне? Сколько их рядом со мной? Кто они, которые едят со мной из одного котелка, которые греются рядом со мной у одного костра, которые готовы всадить короткую очередь в спину, если увидят в моих глазах искру сомнения?

А тем временем от бронетранспортера замполита батальона отделилась новая плотная группа солдат и сержантов и стремительно понеслась к своим машинам. Это тоже стукачи. Но несколько другого рода. Легальные. У них своя линия подчинения. Это слуги партии. В каждом взводе на тридцать солдат и сержантов — комсомольский секретарь и двое его помощников, да взводный агитатор, да редактор «Боевого листка», а в каждом отделении на семь солдат — один корреспондент, этого самого «Листка». И в том же взводе часть солдат должна входить в ротное бюро, в ротную редколлегию, в ротную агитаторскую группу. Если они хоть десять слов могут сказать на ломаном русском языке, то одно из этих мест обеспечено, и они уже люди замполита, люди партии. Они слушают, что говорит партия, а партия ушами замполита очень внимательно слушает их обо мне, о моих товарищах, о моих командирах и о моих подчиненных. По нахальным рожам легальных политических стукачей совсем легко догадаться, что партия только что и им дала право стрелять без предупреждения офицеров, которые осмелятся стирать белые полосы.

А вот от машины пропагандиста полка быстро, но не настолько, чтобы растрясти свое высокомерие, бежит еще один. Ему 19. У него правильное лицо, правильный нос, правильная фигура, правильные мысли

и аккуратиая прическа. Такнх иа доску почета вешают и выбнрают в президнум торжественных собраннй. Он — кандидат в члеиы нашей велнкой партин. В моей роте он один такой. Он — особая статья. Он — особая ннть ннформации прямо к полнтическому богу полка. Ои — еще один уполиомоченный стрелять в мою спнну, если стукачн ГБ замешкаются. И он будет стрелять в тайиых и явиых стукачей ГБ, если оин дрогнут и еслн при этом я опоздаю на секунду их расстрелять.

Кандидат в члеиы иашей велнкой партни забрался в мою машниу и заиял место слева от меия: справа раднст (тайный стукач ГБ), сзадн пулеметчнк (явный стукач ГБ), впереди ротиый агнтатор — рука партин. Громадиые топлнвозаправщнкн с ревом отвалили в сториоу от броневой колоины, н мы плавно тронулнсь.

ВСТУПЛЕНИЕ

Всю иочь мимо наших броиетранспортеров и таиков иескончаемым потоком шли войска. К утру, иесмотря на росу, наши машины покрыл иастолько мощный слой пыли, что ни опознавательиых знаков, нн номеров уже разобрать было иельзя. А войска все шлн н шли.

В эфире на все лады повторялась лишь одна комаида: «Сократнть дистанцин». Все мы четко усвоилн наши боевые стандарты: между боевыми машинамн днстанция иа марше — сто метров, между вспомогательными — пятьдесят. Таким образом длнна колоины одной дивнзии равиа ста пятндесяти километрам. Сейчас на узком участке советско-чехословацкой граннцы вводилось сразу две армнн, в состав которых входило одиииадцать днвизий, кроме того, тут же шло перемещенне обеспечивающих подразделений н резервов Прикарпатского фронта.

Все стандарты отброшены и забыты. Если бы кто решнл соблюдать установленные нормы, то войска не вошли бы в Чехословакию и через неделю.

«Сократнть дистанцин!», «Сократить дистаиции!», «Сократить дистанции!». Категорическое требование сопровождается отборным матом и угрозамн иачальинков всех раигов своим подчнненным. В 8.20 по всем

каналам связи прошел приказ командующего Прикарпатским фронтом сбрасывать с дорог любую остановившуюся машину, независимо от ее назначения и принадлежности. Под откосы полетели сотни танков, артиллерийских тягачей, машин с совершенно секретным шифровальным оборудованием. В 79-й мотострелковой дивизии с дороги сбросили ракетную установку, у которой отказал двигатель.

В половине десятого последовал приказ командующего 38-й армией вывести из состава колонн все ремонтные машины и бросить их на территории Союза. За счет этого длина колонн несколько сократилась. Через десять минут подобный приказ был передан и командующим фронтом.

А мы все стояли на обочине, пропуская мимо себя первый эшелон. Многоголосое «Сократить дистанции!» не умолкало в эфире. Командные вертолеты висят над сплошными облаками пыли. Командиры дивизий, командующие армиями, офицеры и генералы штаба фронта прямо из вертолетов подгоняют нерадивых командиров полков и комбатов.

В полдень к ним присоединились и вертолеты с генералами из штаба Главного командования «Дунай». Прямо на ходу отдаются приказы о смещении командиров полков и даже дивизий, чьи войска не выдерживали скорости марша и не выполняли грозного повеления «Сократить дистанции!». Летят под откос боевые машины. Из состава колонн вывели уже и саперные, и химические, и медицинские подразделения. И все же на советской территории тысячи танков дожидались своей очереди вступить в узкий горный коридор и выполнить свою благородную миссию.

В 15.00 наша дивизия наконец получила приказ начать вытягивание колонны. Дороги к тому времени были совершенно разбиты, и соблюдать установленные скорости марша никто не мог. Пыль уже не оседала. В мире ничего не осталось. Была только пыль да рев танков в непроглядной мгле.

К вечеру наш полк вышел к государственной границе, но тут вновь последовала команда вывести машины на обочины и пропустить резерв командующего фронтом.

Вынужденная остановка была использована для ужина. Вдоль всех трасс движения еще несколько недель назад во время учений войск были построены

продовольственные пункты. Вот тут и начались чудеса.

Продовольственные пункты обладали чудовищной пропускной способностью, в считанные минуты обслуживая тысячи людей.

Первым сюрпризом были небывало роскошные столы, заставленные всевозможными заморскими деликатесами. Было объявлено, что впредь до завершения операции снабжение всех войск будет осуществляться только иностранными продуктами, которые поставляются по распоряжению правительства США, Франции, Канады, Австралии и других «союзников».

Уже к рассвету второго дня освобождения наша колонна, наконец, вышла с советских грунтовых дорог на мощеные дороги Словакии. Пыльная мгла, преследовавшая нас почти двое суток, осталась на советской стороне, но ей на смену пришли разъяренные толпы людей. В нас летели камни и тухлые яйца, гнилые помидоры и яблоки. Вслед нам летели оскорбления и проклятия, но чем гуще становилась толпа, тем обильнее становилась наша жратва. Психологический расчет был точен, и слова Бонапарта о том, что путь к сердцу солдата лежит через его желудок, не были забыты. Продукты были самого лучшего качества. Никогда мы не видели таких цветастых ярких этикеток с надписями на всех языках мира. В нашем рационе был лишь один советский продукт — водка.

Всем офицерам постоянно напоминали о том, что они должны поддерживать боевой дух войск на должной высоте. Но это было незачем делать, во-первых, потому, что солдаты и сержанты с трудом понимали, где они находятся и что происходит, а во-вторых, от обильной жратвы их так и распирало боевым духом.

Большинство сержантов в моей роте немного понимали по-русски, набраны они были, в основном, из глухих полесских деревень и электричество увидели только в армии. За них беспокоиться не приходилось. Только часов через пять-шесть движения сквозь разъяренные толпы один из них вдруг обратил внимание на то, что номера машин не совсем стандартные, и задал мне недоуменный вопрос. Я ответил ему вопросом на вопрос. Я попросил его назвать все республики, которые он знает. Сержант был одним из самых

толковых и живо назвал Белоруссию, Украину, Литву, Польшу, Францию и Узбекистан. После этого я ему ответил, что номерные знаки в некоторых республиках бывают нестандартными. Этим я исчерпал весь вопрос. Остальные сержанты на номерные знаки внимания не обратили.

С солдатами было еще проще. Все они были из заоблачных аулов, горных кишлаков, дальних оленеводческих стойбищ. Они не понимали не только меня, но и друг друга: все нации были перемешаны, якобы для развития дружбы народов. Всех их объединяло лишь знание десяти команд: Вставай, Ложись, Вправо, Влево, Вперед, Назад, Бегом, Кругом, Огонь, Ура.

На очередной стоянке в лесу, во время ужина, я решил исполнить приказ замполита батальона и поднять боевой дух роты на еще большую высоту. Дело это нехитрое.

Я забрался на ящик с надписью: «MADE in USA», поднял высоко над головой банку тушенки, поцокал языком в знак одобрения и крикнул: «Ура!» Могучее и радостное «Ура!», вырвавшееся из сотни глоток, было мне ответом.

Американская тушенка действительно была превосходной.

БАНКИР

Разведывательный батальон 6-й гвардейской Ровенской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова мотострелковой дивизии 20-й гвардейской армии в центре Праги

Август 1968 года

«Ильич, конечно, был гениален,— размышлял командир батальона майор Журавлев,— захватить банки, почту, телеграф, вокзалы, мосты. Все это, конечно, здорово, одно только неясно, неужели до него никто раньше до такой хулевины не додумался?» Майор сплюнул на кучу портфелей, набитых деньгами, и со злостью пнул один из них.

Позавчера утром 508-й отдельный разведывательный батальон 6-й гвардейской мотострелковой диви-

зии первым вступил на улицы еще сонной Праги. Разведбат шел налегке, бросив свои тылы и роту радиоразведки. За счет этого удалось значительно опередить передовой отряд и главные силы дивизии. Задача батальона была сформулирована четко и категорически: до подхода главных сил захватить и удержать мосты.

Командир разведбата майор Журавлев знал маршруты в городе наизусть. Четыре месяца подряд батальон отрабатывал на картах и макетах эту задачу. Начальник штаба батальона имел комплект фотографий всех перекрестков по маршруту движения. Перед самой операцией «Дунай» были проведены командно-штабные учения, на которых все двадцать офицеров батальона посетили Прагу и на автобусе проехали по своим будущим маршрутам.

Журавлев находился в башне головного танка, еще раз с интересом разглядывая необычно красочный город. Вдруг он заметил на фасаде старинного здания громадные буквы: БАНК.

Журавлев отлично знал распределение ответственности между частями дивизии и был совершенно уверен в том, что при «распределении ролей» центральный банк совершенно не учли. Весь этот район должны были занимать части 6-й гвардейской дивизии, а других войск тут держать не предполагалось. Журавлев самым непочтительным образом помянул головотяпство командования и пнул ногой задремавшего радиста, не спавшего три ночи кряду.

— Закрытую связь к начальнику штаба дивизии!

Радист отозвался через несколько секунд:

— Закрывай канал к НШД, «Снегирь-4», говорите.

Журавлев нажал кнопку переговорного устройства и, набрав полные легкие воздуха, начал:

— Снегирь-4, я — Курск, Квадрат 21341 — банк. Решил, сам с ротой глубинной разведки и первым танковым разведвзводом беру банк, замкомбат с ротой БРДМ и вторым танковым взводом выполняет задачу. Я — Курск. Прием.

— Курск, я — Снегирь-4, Добро. Я — Снегирь-4. Прием.— Коротко ответил прибор и замолк.

Журавлев, докладывая свое решение по измене-

нию утвержденного плана, тайно надеялся, что НШ не утвердит его решения или прикажет заниматься банком не ему, а заместителю. Поэтому, получив ответ, он еще раз нелестно отозвался о головотяпстве руководителей, имея в виду всех тех, кто стоял над ним, от начальников разведки дивизии до командующего Центральным фронтом.

— Курск-2, я — Курск,— обратился он по открытой связи к своему заместителю.— Выполняй задачу с Курск-5 и Курск-42, Курск-3 и Курск-41 влево, К БОЮ!

Три плавающих танка «ПТ-76», не сбавляя скорости, развернулись влево, рота глубинной разведки посыпалась с машин вслед за ними. Остальная колонна, заполняя улицу ревом моторов и лязгом гусениц, быстро исчезла за поворотом.

Майор Журавлев бросил привычным движением сектор предохранителя автомата вниз до упора на автоматический огонь:

— ПНШ!

— Я!

— Танками блокируй подходы; один во двор, два вдоль улицы!

— Есть!

— Ротный!

— Я!

— Пятую разведгруппу отдай танкистам, остальными возьми объект. Бумаг не трогать! Расстреляю!!! Действуй!

Каждая мотострелковая и танковая дивизия в своем составе имеет отдельный разведывательный батальон. А в состав такого батальона входит рота глубинной разведки. Она самая малочисленная, но и самая боеспособная из всех 143 рот и батарей дивизии. Рота глубинной разведки предназначена для диверсий в тылу противника, уничтожения его штабов, захвата штабных офицеров и документации. Рота комплектуется самыми крепкими и выносливыми солдатами, сержантами и офицерами.

Рота рванулась к центральному входу, ее приклады дружно забарабанили по металлической решетке, прикрывающей стеклянные двери. За дверью появился старик охранник в серой форме. Со страхом по-

смотрел на свирепые лица стучавших. Нерешительно оглянулся назад. Затем еще раз глянул на барабанивших в решетку разведчиков и, более не решившись оглядываться назад, поспешил к двери и отпер ее.

Рота с ревом ринулась в гулкий центральный зал и растеклась по лестницам и коридорам.

Командиру разведбата почему-то вспомнилась знаменитая картина «Штурм Зимнего».

Минут через десять весь немногочисленный персонал, в основном ночных сторожей, собрали в большом зале. Журавлев собрал все ключи, приказал обыскать весь персонал и запереть в комнате охраны. Комбат обошел все комнаты и опечатал печатью с надписью: «Войсковая часть 66723». Массивные сейфы он опечатал секретной печатью: «508-й отдельный разведывательный батальон». Затем лично проверил посты внутреннего и внешнего караула, после чего вернулся к своему командирскому танку доложить о выполнении задачи.

Закрытая связь работала нормально. Штаб дивизии отозвался через минуту.

— Снегирь-4, я — Курск. Банк взял. Я — Курск. Прием.

— Молодец,— без позывных ответил начальник штаба дивизии.— Держись, пока не сменят. Танковый полк подойдет через пару часов. Прием.

— БРДМы одни без нас мосты не удержат,— также нарушая правила, взмолился Журавлев. Сидеть в банке ему совсем не хотелось — пропадет бумажка какая, к стенке ведь поставят. Поэтому он всячески пытался оставить в банке кого-нибудь за себя, начальника штаба батальона, например, а самому отправиться на мосты. «Не заметить» банка при движении он тоже не мог, это могло боком выйти, стрелочника всегда найдут. А кому как не командиру разведбата в такой ситуации быть стрелочником? И принимать первоначальное решение он мог только одно: оставаться на месте самому. «Наставление по разведке» трактует такую ситуацию четко: простую и ясную задачу — поручать заместителю; сложную, рискованную и неясную — выполнять самому. И начальник штаба дивизии еще раз подтвердил это:

— Курск, хуль с ними с мостами — банк держи! Прием.

Комбат выключил ЗАС и крепко выматерился. Где-

то совсем рядом прогрохотала короткая автоматная очередь, а вслед за ней три длинные пулеметные. Звук автоматной очереди был необычно глуховат, но пулеметы комбат узнал безошибочно: СГМ. Видно, у мостов чехи пальнули из автомата, а наши ответили пулеметами. Все вновь затихло.

На звук стрельбы из окон то тут, то там начали выглядывать удивленные заспанные лица. Видно, вступление в город нескольких разведывательных батальонов осталось почти незамеченным, но звук стрельбы разбудил их. Какая-то пожилая женщина остановилась у командирского танка, осмотрела его и спокойно отошла. Дворник со щеткой вместо привычной нам кустарной метлы остановился у другого танка. Чешская армия имеет на вооружении такие же танки, кроме того, разведчики вместо полевой формы носят пятнистые маскхалаты без знаков различия, поэтому, вероятно, жители окрестных домов просто не могли себе представить того, что это не чешская армия, а какая-либо другая. Добавлю, что красные звезды, гвардейские знаки, белая кайма и прочие украшения наносятся только на броню боевых машин «придворных дивизий» перед парадами, демонстрациями мощи и прочей показухой; обычные танки и бронетранспортеры Советской Армии никаких опознавательных знаков не имеют, кроме трехзначного номера на броне да иногда опознавательного знака дивизии: ромбик, олень, дубовые листья. Сейчас в дополнение к этому вдоль всего корпуса танка и поперек него были нанесены широкие белые полосы. Эти-то полосы и заинтересовали пожилого мужчину со шрамом на левой щеке. Он долго рассматривал танки, а потом обратился с этим вопросом к разведчикам, сидевшим на броне. Те явно не поняли вопроса, но на всякий случай молча забрались в танк и захлопнули люк. Седой постоял еще несколько минут у танка, а потом отошел, недоуменно пожимая плечами.

Журавлев, из окна банка наблюдавший за этой картиной, приказал собрать всех офицеров в центральный зал.

— Сейчас пойдут вопросы, что да как, да зачем мы здесь. Приказываю посылать всех на хуль, как можно дальше. У меня на этот счет большой опыт с 56-го года. Ясно?

— Ясно!!!— дружно и весело ответили офицеры. Но

комбат заметил, что самому молодому из офицеров, командиру четвертой глубинной разведгруппы, что-то не ясно.

— Что у тебя?

— Товарищ майор, а как же быть с приказом политуправления «Каждый советский солдат — дипломат и агитатор»?

— Пусть замполит агитирует на мосту, он за это деньги получает!— отрезал комбат.— А пока его нет, всех посылать!

Комбат сообразил, наверное, что его слова могут быстро достичь нежелательных ушей, и оттого более миролюбиво добавил:

— Мы охраняем объект особой важности, и пока не получим подкрепление — нечего дискуссии разводить. Скоро подойдет танковый полк, тогда и агитировать будем.

В зал влетел сержант Прохоров, заместитель командира взвода:

— Товарищ майор! Танки. Без опознавательных знаков!

— Что за танки?

— Пятьдесят пятые!

— Батальон, К БОЮ!

Широкие белые полосы были нанесены на все боевые машины войск, принимавших участие в операции «Дунай», дабы отличать их от таких же боевых машин армии Чехословакии. Любая боевая машина: танк, САУ, бронетранспортер или артиллерийский тягач, не имеющие белых полос, подлежали немедленному уничтожению без предупреждения.

До подхода танкового полка оставалось не меньше часа, и помощи ждать было неоткуда. Журавлев с тоской смотрел на приближающийся головной танк, на лобовой броне которого не было и следа белой краски.

Рота глубинной разведки укрылась в здании банка, а три «ПТ-76» приготовились встретить чехов бронебойными снарядами.

«Ни за грош пропали,— тоскливо думал комбат,— на хрена же так от главных сил отрываться».

«ПТ-76» — танк разведывательный, плавающий, оттого ни тяжелой брони, ни мощного вооружения на

нем нет. В сравнении с «Т-55» он, конечно, беззащитен. Кроме того, батальон оказался разорванным на части, и противостоять приближающейся чешской танковой колонне, конечно, не мог.

Ствол «ПТ-76» плавно опустился, и башня чуть заметно поплыла в сторону: сейчас врежет! Авось на головном танке прицелы разобьет или башню заклинит.

Журавлев судорожно нажал на спуск переговорного устройства:— Не стрелять!

«Может быть, миром обойдемся,— мелькнула последняя надежда,— пока с чехами тары-бары, может быть, и наши подойдут. Может быть, чехи первыми стрелять и не будут?»

Головной танк чехов, кажется, и не имел такого намерения, пушка его, хотя и расчехленная, смотрела высоко в небо, а командир танка был хорошо виден на башне. Танки стремительно приближались, выбивая траками снопы искр из старинной брусчатки. Казалось, колонне не будет конца, все новые и новые танки появлялись из-за поворота, переполняя узкую улицу удушающим смрадом выхлопных газов.

— Товарищ майор, кажись, наши.

— Точно наши, смотрите, какие комбезы грязные!

— Что за чертовщина, рано уж больно они.

— Здорово, ребята!

— Освободителям привет! — Головной танк свернул в сторону и встал, освобождая путь колонне.

Журавлев с конвоем поспешил к нему.

Из башни появилось широкое нахальное, совершенно грязное лицо. Комбинезон тоже промаслен насквозь — русский. Лет сорок, значит, не солдат, а там, под комбинезоном, хрен его знает, какие погоны: перезрелый старлей или юный полковник. Остается только гадать. Если в головном танке, то может быть командиром батальона, а то и командиром полка. Когда все в комбинезонах, все равны, как в бане. Можно обматерить кого угодно.

— Ты какого хуля без полос шатаешься по братской стране, вроде как контрреволюция какая?

— Мы в резерве стояли, нас вводить не хотели, а потом все же решили, только к тому времени белой краски уже не осталось,— примирительно улыбнулся чумазый.

— Мудак, я б тебя сейчас бронебойным ошпарил, говори спасибо, что морда у тебя российская и комбез грязный. Хоть бы на головном танке полосочку нарисовал!

Мордастый презрительно глянул на разведывательные танки:

— Шел бы ты со своими советами...

Прохожие с удивлением слушали незнакомую речь, и самые проницательные, видно, уже почувствовали недоброе. Голова танковой колонны тем временем остановилась, и задние подтягивались, размещаясь на стоянку прямо поперек трамвайных путей.

— Ты меня, что ли, усиливать прибыл? — обратился вновь Журавлев к чумазому танкисту.

Тот поднял удивленные глаза. Как большинство советских командиров, он был изрядно невоспитан и нахален, а посему ничего не ответил. Журавлев сплюнул и отошел от нахального.

— Кто такие?— кричал в трубку начальник штаба дивизии.— Наши первые танки вступят в Прагу минут через тридцать!!

Комбат выключил аппарат, кликнул конвой и отправился к танкистам выяснять, кто они такие.

— Ребята, вы из шестой гвардейской дивизии?

— Нет, из 35-й.

— Где командир у вас, нестыковка какая-то получается.

— А вот он,— указал молоденький солдатик на чумазого, с которым Журавлев только что так мило побеседовал.

— Кто он по должности и по званию?

— Майор Роговой, заместитель командира полка.

Журавлев вновь направился к нему.

— Товарищ майор,— на этот раз официально обратился Журавлев,— я командир разведбата 6-й гвардейской дивизии. Я получил сведения из штаба, что ваш полк находится не на своем месте.

Чумазый присвистнул. Нет худшей ошибки для командира, чем завести свое подразделение не туда, куда надо. Сообщение Журавлева произвело на танкиста соответствующее впечатление. Он быстро достал свою карту и развернул ее. Прямо в центре карты красовался большой красный овал с черной надписью: «35-я мотострелковая дивизия». Выше размашистым

почерком: «Утверждаю. Начальник штаба 20-й гвардейской армии генерал-майор Хомяков». Сомнений быть не могло: танкисты находились именно там, где им было положено находиться.

— Тогда принимай банк,— смущенно проговорил Журавлев,— он на твоей территории находится. А я, кажется, немного заплутал.

— Не знаю никакого банка, не было у меня задачи банк захватывать. Телеграф — да, телефонный узел тоже, а банка не было.

— Раз на твоей территории, то забирай. Мне он ни на хрен не нужен. Мои гвардейцы сейчас смотаются. Мне мосты приказано захватывать.

— Мосты захватывает разведбат нашей дивизии,— уверенно сказал танкист,— а мы поддержать прибыли.— Танкист еще раз ткнул в карту. Овал покрывал и мосты, сомнений быть не могло.

— Слушай, а ваш разведбат тоже без полос на броне?

— Кажись, да. А что?

— Я думаю, что совсем недавно два наши разведбата друг по другу стреляли!

— Иди ты!

— Вот тебе и иди.— Журавлев спешно разворачивал свою карту, стараясь понять, в чем он ошибся. Но на его карте красовался точно такой же красный овал, накрывающий всю центральную часть города, вместе с мостами. Вверху была точно такая же надпись: «Утверждаю. Начальник штаба 20-й гвардейской армии генерал-майор Хомяков». Единственным отличием было то, что у Журавлева на карте было написано «6-я гвардейская мотострелковая дивизия», а не 35-я.

Командиры выругались в один голос: штаб армии поставил одну и ту же задачу сразу двум дивизиям, причем одна из них была без установленных опознавательных знаков.

— Доставай свои фотографии,— бросил чумазый танкист, раскладывая на планшете свои.

Два комплекта фотографий были совершенно одинаковыми. Такие же перекрестки, и разложены в том же порядке.

— Но почему же мы не видели ваш разведбат?— изумился Журавлев.— Он по этому же маршруту должен был идти.

— А хрен его знает! Может, в его маршруте тоже что-либо напутано?

Оба командира побежали к своим машинам доложить командованию об обнаруженном недоразумении. Но командование, видимо, уже и без них поняло, что в операции, которая готовилась самым тщательным образом восемь месяцев подряд, допущено множество грубейших ошибок. Колонны разных дивизий, армий и даже фронтов смешались, и управление войсками во многих случаях потеряно. Все перепуталось в эфире, сотни позывных: «Васильки» и «Амуры», «Соловьи» и «Симферополи» работали на одних частотах, забивая и тщетно стараясь перекричать друг друга. Из штаба Центрального фронта пришел циркуляр не стрелять в бесполосых, по всей видимости, и в штабе фронта сообразили, что для нескольких дивизий не хватило белой краски, а может быть, уже поступили сообщения, что одни советские танки стреляют по другим.

Связаться со штабом дивизии Журавлев смог только через полчаса, и получил приказ оставаться там, где он находится. Сообщили также, что помощи сегодня не будет, так как танковый полк дивизии затерялся и, видимо, прошел мимо Праги, связь с ним потеряна.

Журавлев вновь отправился к чумазому танкисту из 35-й дивизии. Тот сообщил, что связи со своим командованием наладить не может: эфир забит наглухо. Журавлев описал танкисту общую картину и пригласил к себе в банк «на рюмку чая».

— Ну его на хрен, твой банк, приходи лучше ко мне вечерком, у меня есть чем тебя, разведчик, угостить!

На том расстались.

Дружба между советскими офицерами рождается, в основном, в подобных ситуациях...

Улицы тем временем быстро наполнялись народом. Молодые и старые, женщины и мужчины — все устремились к советским танкам.

— Зачем пришли?

— Мы вас не звали!

— Мы свои проблемы без танков решим!

Солдатам на такие мудрые вопросы крыть было явно нечем. Они и не крыли. Так, иногда только.

— Мы вас защищать пришли.

— Вас американцы с немцами захватить хотят. Забыли войну, что ли?

— Вот когда они нас начнут захватывать, тогда и приходите!

Офицеры, особенно политработники, сразу окунулись в массы, но без видимого успеха.

— Мы по просьбе вашего же правительства!

— Назовите тогда хоть одного из членов правительства, кто просил вас вмешиваться в наши дела!

— Товарищи!!!

— Мы тебе не товарищи!— Замполиту дали в морду. Он за пистолет. Солдаты оттаскивают его назад из толпы.

— Фашисты чертовы!

— Это вы фашисты!

— Свою страну довели до того, что жрать нечего, и хотите, чтобы все вокруг голодными сидели!

— Это временные трудности, дальше у нас лучше будет!

— А без вас бы совсем хорошо было.

— Убирайтесь, откуда пришли! Вместе со своим Марксом и Лениным!

— Граждане, успокойтесь!

— Пошел в...

— Граждане, своим неразумным поведением вы ставите все завоевания социализма на грань...

— Твой социализм сначала на собаках надо было испытать, как все нормальные ученые делают. Ленин твой тупица и в науках не силен, оттого он и не провел экспериментов на собаках...

— Не смейте так говорить про Ленина!..— О раскрасневшуюся рожу замполита разбивается тухлое яйцо.

— А вот если бы Павлову поручили коммунизм установить, так он бы живо на собаках экспериментально доказал, что такая жизнь живому организму неприемлема!

В самом конце колонны дискуссия приняла более оживленный характер. Молодые парни забросали три последних танка булыжником, загнав экипажи внутрь, а затем ломами проломали дополнительные топливные баки. Еще через минуту предпоследний танк гус-

то задымил, за ним еще один. Послышалась беспорядочная стрельба. Толпа отхлынула от последних танков, но лишь на пару минут.

Два экипажа брезентами тщетно пытались сбить пламя, третий танк резко повернул башню, стараясь сбросить забравшихся на нее подростков. Два взвода спешенных танкистов из центра колонны пробивались через толпу на помощь своим товарищам.

— Разойдись! Боекомплект в танках рваться начнет!!!

— У, фашисты проклятые!

Журавлев, наблюдавший за всем происходящим из окна банка, тайно позлорадствовал: «Не хрен в дискуссию лезть! Пришел освобождать, так освобождай! А то развели политбеседы!»

Разведывательные танки батальона Журавлева стояли тут же. Но народ их вроде и не замечал. Солдаты-разведчики четко выполняли его указания и крыли всех по матери направо и налево. Чехи то ли понимали такое обращение, то ли скучно им было вести дискуссию на таких тонах, то ли были уверены в том, что перематерить русских им все равно не удастся. Во всяком случае, у разведывательных танков народ не задерживался. Брань и потасовки возникали только в танковой колонне и особенно там, где замполиты проявляли особое рвение, стараясь убедить людей в том, чего сами толком не знали.

— Сталинизм и культ личности вообще — случайные явления в нашей истории!

— Ни хрена себе! 30 лет из 50 — это только сталинизм. А сколько из остальных 20 лет вы без культа жили? Без культа Ленина, Хрущева и прочих?

— А почему в Америке нет культа личности? И никогда не было?

— В Америке империализм, товарищи, это хуже!

— А ты откуда знаешь, что хуже? Бывал там?

— Почему в каждой социалистической стране культ личности — от Кубы и Албании до Кореи и Румынии? Все страны разные, у всех коммунизм разный, а культ личности везде одинаковый? Начали с культа Ленина...

— Не трогайте Ленина!!! Ленин — гений человечества!!!

— Это он вас научил в чужую квартиру без спроса и стука врываться?

— Ленин — педераст!!!

— МОЛЧАТЬ!!!

Старичок с бородкой клинышком крутит замполиту полка пуговицу на гимнастерке:

— А вы, батенька, не горячитесь. Вы Ленина-то читали?

— ЧИТАЛ!!!

— А Сталина?

— Э... Э...

— А вот вы, батенька, Ленина и Сталина почитайте и посчитайте, сколько раз у того и у другого употребляется слово «расстрелять». Интереснейшая статистика получается. Знаете ли, Сталин в сравнении с Лениным жалкий дилетант и недоучка, а Владимир Ильич законченный отпетый садист, выродок, какие лишь иногда раз в тысячу лет появляются!

— Но Ленин не истребил столько миллионов невинных, сколько истребил Сталин!

— Ему история времени не дала. Вовремя со сцены прибрала. Но обратите внимание на то, что Сталин вовсю распустился не с первых дней своей безграничной власти, а лишь на десятом — пятнадцатом году. Но ленинский старт в этом деле был куда более стремительным. Если бы он подольше пожил, он такого бы натворил, что тридцать сталинских миллионов показались бы детской забавой. Сталин никогда, я повторяю — никогда не подписывал собственноручно приказов об истреблении детей без суда над ними. А Ленин на первом году своей власти уже этим увлекался. Не так ли?

— Но детей и при Сталине тысячами стреляли.

— Это конечно, товарищ подполковник, все так, но попытайтесь назвать мне конкретного ребенка, которого Сталин лично приказал бы расстрелять без суда! То-то. Молчите! Я повторяю вам, что Ленин кровожаднейший из выродков, которых носила когда-либо земля. Сталин свои преступления хоть скрывать старался, а Ленин — нет. Сталин никогда не отдавал публичных распоряжений стрелять заложников. А Ленин и детей стрелял, и заложников и ничуть при этом не стеснялся. Ленина, товарищ подполковник, внимательно читать надо!

— Но вы все сейчас выступаете не только против Ленина и Сталина, вы и против Маркса!

— А в чем разница? Маркс или Жорж Марше? Правильно, ни тот и ни другой не призывали истреблять миллионы невинных. Но ведь и Ленин, а тем более Сталин в своих дореволюционных работах к этому не призывали. Слово «расстрел» в работах Ленина появляется только после Октябрьской революции, а у Сталина вообще никогда не появляется. Только вы уж, батенька, согласитесь, что, в какой бы форме коммунизм ни появился с человеческим лицом или без оного, он всегда порождает культ личности. Всегда! Это правило без исключений. Конечно, если он возникает во Франции, к примеру, или в Италии, сразу не начнут стрелять миллионами, обстановка не та. Но если, как учил Маркс, коммунизм победит в большинстве развитых стран, то беды не миновать, и стесняться будет некого. Культ возникнет обязательно, найдется всегда Мао, или Фидель, или Сталин, или Ленин. А культ придется защищать силой, террором. Большим террором. И чем свободнее была раньше страна, тем большим должен быть террор Идеи ваши красивые, но только в теории, на деле людям их можно навязать только с помощью танков и таких вот дубарей, вроде вас, товарищ подполковник!

— А ты... А ты ... Антисоветчик! Вот ты кто!

— А ты... А ты марксист-ленинец, в переводе на человеческий язык это значит убийца детей!

Гнилой помидор мелькнул в воздухе и, разбившись о козырек фуражки, залепил все лицо подполковнику.

Толпа вновь напирала. Где-то на соседней улице послышалась стрельба. Удушливый запах горелой резины легкий ветерок доносит со стороны реки.

Служба в банке, если не считать огромной ответственности, на первый взгляд, могла показаться неплохой. Тут тебе и туалет (каково тем, кто на улицах?), и вода, и дом большой с решетками. Ни булыжники, ни тухлые яйца не беспокоят. Но самое главное — можно выспаться после стольких бессонных месяцев. Журавлев с первого дня в армии понял, что сон никогда и никому не компенсируется: урвал часок-другой — твое, а не урвал — никто тебе его не даст Кроме того, ночь, первая ночь в Праге обещала быть бес-

покойной. Проверив еще раз караулы и выглянув из окна верхнего этажа на бушующий город, он залег на диван в кабинете директора. Уснуть ему, однако, не дали.

Минут через десять прибежал его личный водитель младший сержант Малехин и доложил, что вооруженные чехи желают с ним поговорить. Журавлев схватил автомат и осторожно выглянул на улицу. У подъезда между двух разведывательных танков стоял автомобиль-фургон с решетками на окнах, а двое чехов с пистолетами в кобурах переругивались с разведчиками.

— Да это ж инкассаторы.

Журавлеву невыносимо хотелось зевнуть, а двое с пистолетами ему что-то пытались доказать. Появился третий и раскрыл перед комбатом портфель, набитый деньгами, потом показал, что машина набита этими портфелями.

— Не работает!— объяснил комбат.— И не будет работать. Ваших шуриков я арестовал, а потом отпустил. Приказ такой был. Не могу я ваши деньги принять.

Трое с пистолетами долго совещались между собой, потом быстро выбросили гору портфелей прямо на ступеньки лестницы банка. Один из них прокричал что-то, наверное, очень обидное, и машина скрылась за поворотом, резким неприятным сигналом расчищая себе дорогу в толпе.

Журавлев выматерился так, как не матерился с самого утра. Затем он приказал разведчикам занести все портфели внутрь.

Минут через пятнадцать история с портфелями повторилась. На этот раз комбат понял, что спорить бесполезно, и молча указал на дверь банка. Инкассаторы побросали свой драгоценный груз прямо на пол и молча удалились. Журавлев записал только номер машины и количество портфелей.

А потом последовал шквал черных машин с решетками. Гора чемоданов, портфелей, кожаных мешков с деньгами угрожающе росла. Расписок в получении инкассаторы, в основном, не требовали, а когда требовали, то майор Журавлев решительно посылал их к чертовой бабушке вместе с их портфелями. И они, подумав немного, бросали их в общую кучу.

Откуда бралось так много денег, понять было трудно. В первый день освобождения страна была полностью парализована. Возможно, в банк стекались деньги, со всей страны вырученные вчера, а может быть, и раньше.

Далеко за полночь, когда подошла последняя машина, гора в центральном зале напоминала египетскую пирамиду из учебника истории.

Чувствуя весь риск сложившейся ситуации, Журавлев выгнал еще вечером всех своих разведчиков из здания банка. Караулы несли службу снаружи, а он один находился внутри. Так было спокойнее.

Спать не пришлось.

Всю ночь Журавлев бродил по хранилищам с громадной связкой ключей, отпирая по очереди бронированные двери и стальные решетки и вновь запирая их и опечатывая своими печатями. Вся сигнализация по его категорическому требованию была отключена ночными сторожами перед тем, как он их отпустил.

Удивительное дело походить самому по подвалам большого банка! Чего только тут Журавлев не встретил: и золото в слитках с гербами Советского Союза, и с чешским львом, и золотые пластинки с длинными номерами и надписями «999,9», и тысячи самых разнообразных монет. Но самым интересным были все же иностранные бумажные деньги.

К деньгам он относился совершенно равнодушно, но их замысловатые рисунки и многообразная неповторимая цветовая гамма влекли его. Он часами рассматривал бумажки с изображением королей и президентов, женщин и цветов, и какая-то неведомая цивилизация вставала перед его взором.

За свои 32 года он повидал немало: был и в Сибири, и на Дальнем Востоке, на целине, в Казахстане и в Заполярье, учился в академии в Москве. Участвовал в парадах на Красной площади и во многих крупнейших учениях. В двадцать лет еще сержантом он попал в Венгрию прямо в Будапешт, в самое пекло боев за освобождение братского народа. После служил по всему Союзу. Неплохо служил. Попал в Германию, и вот, наконец, Чехословакия. Видел он на своем веку больше, чем подавляющее большинство из 245 мил-

лионов. Где вы видели человека, чтоб в двух заграницах побывал? А у Журавлева вот уж три страны!

Он вновь рассматривал узоры на хрустящих бумажках, и смутное беспокойство охватило его. Бумажки эти были свидетелями какой-то незнакомой, необычной жизни. Каждая из них прошла долгий путь и прожила долгую жизнь, прежде, чем попасть в подвалы пражского банка в руки советского офицера-освободителя Александра Журавлева. Совсем скоро все они вновь разлетятся по свету, вернутся в свой таинственный мир, а майор Журавлев будет также стоять на страже всех честных людей на земле. Станет подполковником, а потом, может быть, и полковником, а потом его уволят из армии, и он будет рассказывать пионерам запоминающиеся случаи из своей яркой и необычной биографии. Пионеры будут вздыхать и качать головами: побывал в трех зарубежных странах.

Далекий мерный тяжелый стук разбудил Журавлева. Спохватившись, он протер глаза кулаком и побежал открывать тяжелую дверь. Приехал начальник разведки дивизии подполковник Ворончук. Небо уже серело на востоке. Приятная прохлада пахнула в лицо.

— Заходи, заходи.

Совсем еще недавно Ворончук был командиром разведбата, а Журавлев его первым замом. Перед самой операцией в период перетрясок, перестановок и перемещений оба они поднялись на одну ступеньку вверх по служебной лестнице. Повышение, впрочем, не нарушило их давних приятельских отношений.

— Ну что, банкир, батальон еще не разбежался?

— Те, что со мной, нет, а вот там, где замполит, хрен его знает.

— Нет больше там замполита. В госпиталь увезли. Башку ему утром еще кирпичом проломили.

— Агитировал?

— Агитировал сам и всех солдат с офицерами подстегивал, оттого на мостах помяли немного наших.

— А кто утром там стрелял? Я тут без связи, ни хрена про свои роты не знаю.

— Стреляли вначале чехи. А потом два разведбата друг в друга. В 35-й дивизии краски белой не было, вот твои соколики и врезали по их разведбату. Хорошо, что танки были не в голове колонны. Подстре-

лили твои двоих из 35-й дивизии. Одного слегка, а другого крепко.

— Горлышко промочишь? За компанию?

— Нет, Саша, спасибо. Мне к комдиву с докладом через час надо.

— Когда менять меня будут?

— А хуль его знает. Танковый полк заблудился, до сих пор связи с ним нет. Два мотострелковых полка затерты на дорогах. Артиллерия и тылы отстали. Только один мотострелковый полк из нашей дивизии правильно вошел в город. Но забот у него, ты сам знаешь сколько. А вообще-то в Прагу по ошибке вошло много частей, которым тут делать нечего. По ошибке вошли и не знают, что им делать. И выйти тоже пока не могут. Связь потеряна. В общем — чистой воды бардак.

— Ну давай, выпьем. У меня таблетки от запаха есть.

— Хрен с тобой, разливай.

— Восемь месяцев штабы и командиров готовили, четыре месяца самой тщательной подготовки всех войск, и вот на тебе!

— Если бы чехи стрелять по-настоящему начали, то было бы хуже, чем в Венгрии.

— Наши знали, что чехи стрелять не будут. Это не венгры. Ты обратил внимание, что там, где танки просто стоят, они принимают это как должное, относятся с уважением. А где мы пропаганду начинаем разводить да словоблудие, там, глядишь, и беспорядки.

— Как не заметить, я это правило наперед знаю. Я своим соколам велел на носу зарубить, чтоб никаких тары-бары. На хуль — и все.

— Ты, Саша, с этим поосторожнее будь. Разнюхают замполиты — не оберешься, не отбрешешься.

— Да я знаю. Пользуюсь этим, пока замполит на шее не сидит. Когда батальон надвое делился, я его на мосты услал.

— Все равно осторожнее будь, у них не только языки длинные, но и уши. С утра одну-другую беседу с чехами проведи, для отвода глаз. Чтоб среди солдат лишних разговоров не было.

— Ладно, сделаю.

— Танкисты-то из 35-й на тебя смотрят. Накапают. Да и твои внутренние стукачи тоже ведь не дремлют.

— На кого ты думаешь?

— Фомин из второй глубинной разведгруппы и Жебрак из танкистов.

— На них я тоже думал. Фомин, по-моему, с особнячками нюхается, а Жебрак — замполитовская подстилка.

— Гареев из радиоразведки.

— И этого я уже раскусил.

— Куракин и Ахмадулин из роты БРДМ. Куракин точно, а Ахмадулин просто очень похож.

— На них я тоже думал. Только уверенности не было.

— Ну и твой личный водитель, конечно же.

— Иди ты!

— Типичнейший!

— Что-нибудь конкретное?

— Да нет, нутром просто чую. У меня глаз набит. Я еще никогда в них не ошибался. Будь, Саша, осторожен, разведбаты стукачами выше всяких норм переполнены. Оно и естественно. По-другому и быть не может.

— Еще по одной?

— Ну давай, только это уж последняя.

— Будь здоров, Коля. Потянули.

Поток денежных портфелей на следующий день заметно ослаб, а еще через день прекратился вообще. Но гнетущее чувство тяжелой ответственности не проходило. Журавлев знал, как порой тяжело отчитаться за какой-либо рубль, а тут такая гора денег и все подвалы завалены золотом, валютой, какими-то бумагами. Если приедет приемная комиссия, и придется все это оприходовать и сдавать, так года же не хватит! А если пропало что? А как за все эти портфели рассчитаться? Хрен его знает, сколько там миллионов внутри? Многие даже не опечатаны. Предстоящая передача всего этого не давала спать по ночам. Журавлев лишился аппетита, побледнел, похудел и осунулся. Город бурлил. Все его товарищи под градом камней и оскорблений тушили танки, разгоняли недовольных, выискивали подпольные радиостанции, агитировали и проповедовали, отбиваясь от наседавших оппонентов. Все, кто знал, где находится Журавлев, завидовали ему самой черной завистью. Кличка

«Банкир» прочно закрепилась за ним. А он худел и бледнел и завидовал тем, кто был на улицах.

Три раза в день водитель приносил Журавлеву еду: небывалые американские консервы, душистый хлеб, великолепное французское масло.

— Поели бы, товарищ майор.

— Ладно, иди.

— Товарищ майор, вы только скажите, чего желаете, я у тыловиков все что угодно для вас достану. А то ведь некому о вас позаботиться. У тыловиков сейчас столько жратвы всякой заграничной, что диву даешься. Никогда мы такого не видали.

— Ладно, ладно, иди.

— Товарищ майор, можно один вопросик?

— Давай.

— Товарищ майор, разрешите на танке за пару кварталов съездить?

— Зачем?

— Там аптека. А без танка патрули наши прихватят или чехи голову проломят.

— Зачем в аптеку-то тебе? Триппер, что ли, прихватил?

— Никак нет, товарищ майор, я за презервативами. И себе и вам наберу.

— Мне не нужны, а тебе зачем?

Водитель лукаво улыбнулся, показывая глазами на портфели.

— У меня правый бензобак пустой, деньги никем не считаны, упакуем миллион-другой в презервативы да и побросаем в бензобак. Никто не додумается! Знаете, сколько денег в один презерватив воткнуть можно? Он же растягивается...

— Сволочь! — Журавлев выхватил пистолет. — Бросай автомат на пол! Мордой к стене! Конвой ко мне!

— Я ж пошутил, товарищ...

— Молчи, сука! Тамбовский волк тебе товарищ! Освободитель хулев!

Поздно вечером к банку на гусеничном бронетранспортере пробился начальник штаба дивизии, а с ним трое товарищей в штатском и конвой с ними.

— Что у тебя тут, Журавлев, происходит?— недовольно пробурчал начальник штаба.

— Товарищ подполковник, мной арестован водитель Малехин за попытку совершить акт мародерства.

— Товарищи разберутся с ним. Где он у тебя?

Журавлев повел их по коридору к центральному залу. Оказавшись в зале, все трое остановились как вкопанные.

— Нам срочно нужна радиостанция!

— Водитель заперт в той комнате.

— Нам нужна радиостанция, а не водитель!— грубо оборвал молодой белобрысый «товарищ».

Сменили Журавлева внезапно и безо всяких хлопот.

Через полчаса после того, как «товарищи» сумели связаться со своим руководством, к банку подошли еще два «БТР-50П», набитые офицерами и штатскими. Остаток ночи Журавлев провел во внешней охране банка, внутрь его больше не пускали, даже в туалет.

Ранним утром к банку подошел танковый батальон из 14-й мотострелковой дивизии, которая была в резерве командарма.

Командир танкового батальона передал Журавлеву приказ, подписанный лично командующим 20-й гвардейской армией, который предписывал Журавлеву немедленно вывести разведбат за пределы города.

Журавлев облегченно вздохнул. Более того, в приказе говорилось о том, что часть батальона, охраняющая мосты, временно выходит из его подчинения, следовательно, беспокоиться о них было не надо. А вывести из города только глубинную роту с танковым взводом не представляло труда.

На подготовку ушло не более десяти минут. Журавлев построил своих разведчиков, проверил наличие людей, вооружения и боеприпасов. Танковые двигатели взревели... Но в этот момент на высоком крыльце банка появился молодой былобрысый «товарищ».

— Эй, майор! Подожди.

Нахальное обращение «товарищей», да еще в присутствии солдат и сержантов, всегда раздражает армейских офицеров, но они этого, конечно, не показывают.

— Что еще случилось?

— Подпиши-ка вот это, майор.— Белобрысый протянул ему листок, плотно исписанный колонками цифр.— Не сомневайся, все правильно. Наши ребята всю ночь проверяли.

Журавлев чиркнул, не читая и не разбираясь. Да и откуда было ему знать, сколько там в том банке было?

Молодой улыбнулся.

— На вот тебе, майор, на память.— Он запустил руку в туго набитый, отвисавший карман пиджака и протянул Журавлеву большую желтую тусклую монету с профилем пожилой женщины в короне.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Разведывательный батальон 6-й гвардейской мотострелковой дивизии севернее Праги

Первые дни сентября 1968 года

Мотоцикл сожгли по пьянке. Во время чистки оружия кто-то принес бутыль чешской сливовицы, и разведывательный взвод ее быстро осушил.

Чистка пошла веселее. После долгих маршей оружие промывали бензином. Способ недозволенный, но эффективный.

После чистки оружия у ведра с бензином был короткий перекур. Наводчик из первого отделения бросил окурок в ведро, и бензин весело полыхнул. Замкомвзвод сержант Мельник пнул полыхающее ведро ногой. Разведчики весело заржали. Но ведро, перевернувшись в воздухе, упало на мотоцикл, бензобак которого был открыт,— бензин оттуда для чистки брали. Остальное произошло в доли секунды. От мотоцикла остался только черный каркас.

Хмель был совсем легким, и сняло его как рукой. Дело сразу запахло не только горелой резиной и краской, но и военным трибуналом да штрафным батальоном.

Замкомвзвод помрачнел, отошел в сторону и сел под березу, обхватив голову руками.

Первым пришел в себя командир первого отделения. Оглядев взвод и убедившись, что ни офицеров, ни чужих солдат поблизости нет, сержант властно приказал:

— Строиться, взвод! В две шеренги становись! Равняйсь! Смирно! Слушай ситуацию!

Происшествие испугало взвод, и, почувствовав твердую власть над собой, люди строились быстрее, чем обычно. Только замкомвзвод остался под своим деревом, ни на что не реагируя.

— Слушай ситуацию! — повторил сержант.— Подъехала чешская машина. Легковая. «Шкода». Темно-синяя. Внутри три чеха. Бросили бутылку зажигательную. Мы чистили оружие, стрелять не смогли. Замкомвзвод не растерялся и разобранным пулеметом хватанул одного по черепу. Белобрысого. Они сразу смылись. Ясно? ЗКВ свой мужик, что мы его закладывать будем? Ему дембель положен, а он тут интернациональный долг выполняет.

Взвод одобрительно зашумел.

— Повторяю. «Шкода», темно-синяя. Мужиков внутри трое. Бросили бутылку. ЗКВ разобранным пулеметом одного по голове тяпнул. Они смылись. Да, еще. Номер на машине специально был грязью замазан. И последнее, нагрянут комиссии, может быть, даже особнячки. Ловить будут на деталях. Никому ничего самому не выдумывать. Повторять только то, что я сказал. Остальное: не помню, не видел, не знаю, не обратил внимания. Ясно?

— Ясно!

— Разойдись!

— Коль, а Коль, да ты не расстраивайся. Может, еще все уладится. Слышь, Коль. Посылай лучше бойца к ротному, пусть про чехов доложит. Там у ротного сейчас совещание офицеров идет. А взводу прикажи оборону занять, мол, ожидаем повторного нападения.

Через час в распоряжение взвода прибыли все офицеры роты во главе с командиром. Ротный, осмотрев место, приказал всем солдатам взвода по очереди подходить к нему. Он стоял метрах в тридцати в стороне ото всех, и, когда солдат подходил к нему, капитан задавал по три-четыре вопроса каждому. Беседа с каждым солдатом велась наедине, так, чтобы никто не мог слышать ни вопросов, ни ответов.

После короткой беседы с каждым из солдат ротный подозвал к себе командира первого отделения.

— А ничего погодка, сержант.

— Так точно, товарищ капитан.

— Только дождь, наверное, к вечеру будет.

— Наверное, товарищ капитан.— Сержант никак не мог понять, куда капитан клонит.— Надоели они, дожди-то.

— Надоели,— согласился капитан.— На «шкоде», говоришь, подъехали?

— Так точно.

— А где ж следы? Грунт-то мокрый.

Капитан тоже был разведчиком, и обмануть его было совсем не просто. Правда, и накладывать пятно иа свою роту капитаи тоже ие хотел.

— Вот что, сержант, там, где ведро жгли и где оно к мотоциклу летело, землю надо перекопать, вроде масляные тряпки после чистки в землю закапывали.. И затоптать все кругом надо, в остальиом стойте на своем.

— Есть, стоять иа своем!

— И передай старшему сержанту, пусть сопли не развешивает, коли контрреволюционера тяпнул по черепу, так не хрен же переживать!

Ни комиссии, ни особисты в эти дни во взводе не появлялись, видать, забот было и без того много. Командир роты тем временем написал рапорт о боевых потерях при столкновении с вооруженными контрреволюционными элементами, состоящими на службе у империалистических разведок.

Командир батальона, повертев рапорт в руках, лукаво улыбнулся:

— Все хорошо, я тебе все подпишу, только ты все заново перепиши, добавишь, что на мотоцикле лежал еще противотанковый гранатомет «РПГ-7В». Номер во второй роте узнаешь. Они его, прохвосты, еще в Польше в болоте утопили, а достать не смогли.

Капитан хотел было возразить, но, перехватив взгляд комбата, только хмуро буркнул:

— Есть переписать.

Рапорт пошел по инстанциям, каждый раз возвращаясь для переписывания.

Когда рапорт дошел до иачальника тыла Прикарпатского фронта, который в конце концов подписывал все рапорты о боевых потерях, то его воображению предстала некая чудо-машина, созданная на базе разведывательного мотоцикла «М-72». Чудесная машина была вооружена пулеметом и противотанковым гранатометом, она имела два активных ночных инфра-

красных прицела, дальномер-прицел, радиостанцию «Р-123». Машина, видимо, предназначалась для действий в условиях Заполярья, так как на ней находились два новеньких дубленых полушубка, а сзади была прилажена 200-литровая бочка со спиртом. К сожалению, все это сгорело при столкновении с контрреволюцией.

Генерал покрутил рапорт в руках.

— Верните рапорт обратно, пусть перепишут и добавят вот это. Что еще?

— В 128-й дивизии БТР с моста свалился.

— В результате столкновения с контрреволюцией?

— Так точно.

— Это лучше. Давайте рапорт.

А заместитель командира взвода старший сержант Мельник получил медаль за смелые и решительные действия при отражении налета. Про него даже в газетах писали.

«ПОЛЕТ»

Район города Кошице

Начало сентября 1968 года

Еще в самые первые дни освобождения, когда перемещение войск происходило почти непрерывно, наш батальон остановился ночью у какого-то совсем небольшого городка с маленьким заводиком. Батальон ночевал прямо в поле у городка с соблюдением всех мер предосторожности, выставив боевое охранение и подвижные патрули.

Утром выяснилось весьма неприятное обстоятельство. Заводик оказался не просто заводиком, а спиртзаводиком. Я еще вечером унюхал этот особый запах, стоявший над всей округой, да и другие офицеры не могли его не заметить. Но за минувший день все так устали, что немедленно уснули, как только представилась возможность.

А солдатики наши не спали и времени даром не теряли. Спиртзавод, как и все другие заводы Чехословакии, в те дни был остановлен. Но местные жители, не без умысла, конечно, ночью нашим солдатам путь на завод указали, ворота гостеприимно открыли и показали, как открыть соответствующие краны.

К утру все до единого солдата в батальоне были

пьяными. Надо отдать им должное, никто не напился здорово. Каждый понимал, что до полевого трибунала — один шаг, а полевой трибунал работает по законам военного времени. Так что все солдаты были не пьяными, а выпивши, навеселе, под хмельком.

Командир батальона немедленно вывел всю колонну из этого проклятого места, оповестил вышестоящее командование о спиртзаводе, который был немедленно взят под особый контроль. На ближайшем привале был произведен грандиозный обыск. Оказалось, что все емкости, буквально любые предметы, которые могут содержать жидкость, были наполнены спиртом: все фляги, канистры, котелки, даже грелки в батальонном подвижном медпункте. Весь обнаруженный спирт был безжалостно вылит на дорогу. Все офицеры батальона были посажены вместо водителей боевых машин. И колонна тронулась. Офицеров, конечно, не хватило на все машины, и оттого многие бронетранспортеры шли по освобожденной стране слегка покачиваясь.

Уже к обеду все солдаты пришли в себя. Следующую ночь батальон провел в поле вдали от населенных пунктов. С утра мы почувствовали неладное. У большинства солдат глаза блестели, как масляные. Никто из них не был пьян, но каждый из них, несомненно, слегка выпил. Мы произвели обыск, каких еще не бывало, но ничего не нашли. В принципе ничего плохого в том, что солдаты понемногу выпивают, не было. Попробуй найди в советских уставах какое-нибудь запрещение на этот счет. И нельзя подобных запрещений в уставы вносить, ибо в боевой обстановке солдатам просто положено выпивать для храбрости.

Проблема заключалась в том, что обстановка была почти боевая, но приходилось выполнять чисто дипломатическую функцию: разгонять людей, не желающих освобождаться. А с нашим запахом этим заниматься как-то не совсем удобно. Если вражья пропаганда дознается, что 400 советских солдат выполняют свою благородную миссию под влиянием Бахуса, может получиться мировой скандал.

На следующее утро история повторилась, и на следующее — вновь.

Случилось так, что вся агентура ГБ и партии оказалась вовлеченной в общее дело, и местонахождение чудесного источника не выдавала. В Чехословакии,

кстати, все они, слуги ГБ и партии, хвосты прижали и строчить рапорта совсем не спешили. Еще бы, все вокруг вооружены, нечаянно и застрелить могут или ночью танком сонного раздавить, по ошибке. Такая практика процветала повсеместно. Счеты сводили быстро, несмотря на разницу языков и интересов.

Командир батальона тоже не спешил докладывать о происходящем. Доложишь — на себя же беду накликаешь. Он предпочитал искать сам, привлекая к поискам спирта всех офицеров батальона.

Было ясно, что запасы спирта в батальоне огромны: каждое утро минимум по солдатской кружке на каждого из 400 солдат. Батальон менял свое положение постоянно. Значит, спирт не в лесу, не в земле зарыт, а движется с нами. В наших машинах. А где? мы обследовали все. Миллиметр за миллиметром. Даже проверили, не залит ли спирт в шины бронетранспортеров. Но и там его не было.

Если бы ежедневное пьянство происходило в одной моей роте, то мне бы грозили серьезные неприятности. Но это происходило и в соседних ротах. Поэтому я был спокоен. Вопрос о спирте волновал меня чисто теоретически: где же он, черт его побери, может быть спрятан?

Я совершенно категорически принял решение спирт найти. Чего бы мне это ни стоило. Чем бы ни пришлось пожертвовать. А жертвовать я мог всего лишь одной вещью, золотыми часами «Полет». Это была единственная дорогая вещь у меня. А что у советского лейтенанта может быть, кроме часов и расчески?

Часы были просто великолепные, и я давно приметил, что один из радистов взвода связи на мои часы поглядывал с немалым интересом. Не знаю почему, но этого радиста я считал жадным человеком, хотя почти и не знал его.

Во время обеда, когда вокруг полевого узла связи решительно никого не было, а радист, я это знал, дежурил внутри, причем один, я зашел на узел связи. Для командира роты посещение батальонного узла связи дело совершенно естественное.

Молча я снял с руки часы и протянул ему. Он смотрел на часы, не решаясь их взять, ожидая, что я потребую взамен. Как радист он, конечно, немного говорил по-русски. Без этого в связь не берут.

— Мне спирт нужен,— я запрокинул голову на-

зад,— имитируя то, как люди пьют спиртное.— Понимаешь, спирт.— Я пощелкал себя по горлу, показывая, как он булькает.

Он закивал головой. Мусульманин, а ведь понимает. И, видимо, каждый день вместе со всеми принимает лечебный напиток.

— Десять литров, понимаешь,— я показал десять пальцев.— Десять.

Он быстро взял часы и сказал: «Вэчэр».

— Нет,— сказал я,— мне сейчас надо.

Он покрутил часы в руках и нехотя вернул их мне: сейчас нельзя.

Я положил часы в свой карман и медленно пошел к выходу, но у самой двери резко обернулся. Солдат с величайшим сожалением смотрел мне вслед. Я быстро достал часы и сунул ему в руку:

— Я сам возьму.

Он кивнул. Быстро замотал часы в носовой платок, сунул за голенище сапога и тут же шепнул мне на ухо одно всего лишь слово.

Я ненавидел его. И все же я еще перед тем, как зайти на узел связи, дал себе слово никому, включая командира батальона, не рассказывать о том, как я нашел спирт. Чтобы не раскрыть его, я не побежал в штаб батальона немедленно, а выждал несколько часов. И лишь к вечеру постучал в командирскую машину. Комбат сидел в величайшем унынии.

— Товарищ подполковник, не желаете ли выпить со мной по кружечке спирта? — С моей стороны это было величайшим хамством. Но он, конечно, простил меня.

— Где?— взревел он и, вскочив с кресла, больно ударился головой о броневую крышу.— Где, твою мать?

Я улыбнулся:

— В радиаторах.

Каждый бронетранспортер имеет по два двигателя, и так как они работают в исключительно тяжелых условиях, то каждый двигатель имеет очень развитую жидкостную систему охлаждения с емкими радиаторами, которые в летнее время заполняются просто чистой водой. Солдаты слили всю воду из радиаторов всех машин батальона и заполнили их спиртом. Пили они его по вечерам, залезая под машины якобы для обслуживания и ремонта.

Командир батальона немедленно построил батальон и затем лично сам пошел вдоль колонны, открывая в каждой машине сливные краны. Осенний лес быстро наполнялся чудесным ароматом.

А еще через день радиста, открывшего общую тайну, нашли избитого почти до смерти в кустах возле узла связи. Его срочно увезли в госпиталь, объяснив медикам, что пострадал он при встрече с контрреволюцией.

А еще через несколько дней, когда другие события заставили забыть злосчастный образ радиста, ко мне подошел другой радист и протянул мне мои золотые часы «Полет».

— Товарищ лейтенант, это ваши часы?

— Э...— сказал я.— Вообще-то мои. Спасибо. А где вы их нашли?

— Один из нас, видимо, их украл у вас.

— И за это вы так зверски его обработали?

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

— И за это тоже.

ПРОВОДЫ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ

Кошице — Прага

Сентябрь 1968 года

Тревогу объявили часов в пять утра.

Холод в лесу собачий. Спать бы да спать, уткнув нос в воротник шинели. Я медленно выполз из-под теплой шинели — в голове шумело после вечернего веселья,— ни одна живая душа во всей роте и ухом не повела па сигнал тревоги. Всего за один месяц дисциплина пала до катастрофического уровня.

Я извлек из глубин своей памяти специально приготовленную для подобного случая тираду и тихо без особой злобы проговорил ее на ухо старшине роты, который норовил прикинуться спящим. Старшина мгновенно вскочил: не то чтобы испугался моих угроз. Нет. Просто фраза была затейливой.

Старшина пошел вдоль рядов спящих солдат и сержантов, толкая их носком сапога и покрывая матом.

Когда меня будят на рассвете после ночи в холодном лесу, я всегда становлюсь очень злым. Не знаю почему. В глотке моей скапливались самые грязные ругательства, и я посматривал по сторонам, на чью бы голову их высыпать. Но встретившись глазами с первым попавшимся солдатом, я сдержался. В глазах его было, пожалуй, больше злобы, чем в моих. Грязный, небритый, нестриженый, много недель не видавший горячей воды, автомат через плечо и полные подсумки патронов. Поди задень его сейчас — убьет не задумываясь.

Офицеров собрали на совещание. Начальник штаба полка объявил боевой приказ, согласно которому наша дивизия срочно передавалась из 38-й армии Прикарпатского фронта в 20-ю гвардейскую армию Центрального фронта. Нам предстояло совершить многосоткилометровый марш через всю страну и к вечеру развернуться севернее Праги для прикрытия войск 20-й гвардейской армии. Всю гусеничную технику: танки, тягачи, тяжелые бронетранспортеры — было приказано оставить на месте, а двигаться налегке, используя только колесные машины.

Приказ был совершенно непонятен, в том числе и начальнику штаба, получившему его свыше. Но времени на дискуссии не было. Колонны вытянули быстро, сигнал готовности — белые флажки начали появляться над командирскими люками (радиосвязь при перемещениях войск запрещена). Наконец, белые флажки появились над всеми машинами. Сигнальщик головной машины покрутил флажком над головой и четко указал на Запад. Мы снова двинулись в неизвестность.

Тем для тревожных раздумий было достаточно. Если силу танков принять за единицу, то в сравнении с этим мотопехота — ноль. Но именно тот ноль, который из единицы делает десятку. Танки и мотопехота во взаимодействии — несокрушимая сила. Сейчас мы на бешеной скорости неслись на наших «гробах на колесах» по стране, бросив свои танки. Без них, без этой единицы, мы превращались в ноль, хотя и очень бо́льшой. Возникал вопрос, кому и зачем это нужно. Более того, мы шли без гусеничных тягачей, то есть без артиллерии. И это окончательно убеждало нас в том, что мы идем не на войну. Тогда куда и зачем? Неужели в районе Праги наших войск недостаточно?

Во время коротких привалов, когда солдаты дозаправляли машины и проверяли их, офицеры, собравшись в кружок, делились худшими своими опасениями. Еще никто из нас не решился произнести вслух страшный диагноз, но в воздухе уже висели два жутких слова «разложение войск».

Ах, если бы чехи стреляли!

В наших полках, особенно прибывших из Прикарпатья, в то время было много офицеров, побывавших в Венгрии в 56-м году. Но ни один из ветеранов не видел в Венгрии и намеков на разложение, которое началось теперь. За освобождение Венгрии Советская Армия платила кровью. В Чехословакии цена была выше. Мы платили разложением. Дело в том, что когда по тебе стреляют, ситуация упрощается до предела. Думать не приходится. Задумавшихся убивают первыми.

В первые дни в Чехословакии все так и шло: они в нас помидорами, мы — из автоматов в воздух. Но очень скоро все изменилось. Была ли это продуманная тактика или стихийное явление, но народ стал к нам относиться совсем по-другому. Мягче. А вот к этому наша армия, выросшая в тепличной изоляции от всего мира, была не готова. Было взаимное, исключительно опасное сближение населения и солдат. С одной стороны, население Чехословакии вдруг поняло, что подавляющая масса наших солдат и понятия не имеет, где и почему они находятся. И среди населения, особенно сельского, к нашим солдатам проявлялось чувство какого-то непонятного нам сострадания и жалости. Отсутствие враждебности в отношении простых солдат породило в солдатской массе недоверие к нашей официальной пропаганде, ибо что-то не стыковалось. Теория противоречила практике. С другой стороны, среди солдат с невиданной быстротой начало распространяться мнение о том, что контрреволюция есть явление положительное, которое жизненный уровень народа повышает. Солдатам совсем было неясно, зачем нужно силой опускать такую красивую страну до состояния нищеты, в которой живем мы. Особенно это чувство было сильным среди советских солдат, пришедших в Чехословакию из ГДР. Дело в том, что эти отборные соединения укомплектованы в большинстве своем русскими солдатами. А русский народ в СССР снабжают по крайней мере в

два раза хуже, чем мой украинский народ, во много раз хуже, чем народы Средней Азии и Кавказа. Голодные бунты, как Новочеркасский, возникают именно среди русских, а не среди народов Кавказа, где чуть ли не каждая третья семья имеет собственный автомобиль.

В наших дивизиях второго эшелона, укомплектованных в основном солдатами кавказских и азиатских республик, брожение только начиналось, в то время как в дивизиях первого эшелона, прибывших из ГСВГ, оно зашло катастрофически далеко. Ибо именно для русских контраст в жизненном уровне Чехословакии и СССР был особенно разительным, и именно этим солдатам было непонятно, зачем же такой порядок нужно разрушать. Сказывались, конечно, и общность славянских языков, а также то, что в дивизиях первого эшелона все могли объясняться между собой и делиться впечатлениями, а в дивизиях второго эшелона все нации и языки были преднамеренно перемешаны, и оттого дискуссия не могла разгореться.

Мы прибыли в назначенный район глубокой ночью. Наши предположения (самые худшие) полностью оправдались. Наша задача заключалась не в том, чтобы остановить западные танки, и не в том, чтобы разгонять буйствующую контрреволюцию, а чтобы в случае необходимости нейтрализовать русских солдат, которых увозили из Чехословакии.

20-я гвардейская армия постоянно базируется в ГДР в районе Бернау, прямо у Берлина. В абсолютной изоляции, конечно. В ее дивизиях у меня было много однокашников из Харьковского танкового училища. Армия эта одна из лучших во всей Группе Советских войск в Германии. Она первой вошла в Прагу. И вот теперь она первой из Чехословакии уходила. Странный это был выход. Знамена, штабы и большая часть старших офицеров вернулись в ГДР. Часть боевой техники была отправлена туда же. Немедленно из Прибалтики были направлены в 20-ю гвардейскую десятки тысяч свежих солдат и офицеров. И все стало на свои места. Вроде армия никуда и не уходила. Но большая часть солдат и молодых офицеров этой армии прямо из Чехословакии попали на китайскую границу на перевоспитание. И гнали освободи-

телей к эшелонам, как арестантов, а мы их охраняли.

А из Союза шли уже новые эшелоны с молодыми солдатами, которым предстояло постоянно служить в Чехословакии. Этих с самого первого дня размещали за высокими заборами. Печальный опыт освобождения был учтен. Все мы сознавали, что на ближайшее десятилетие, что бы в мире ни случилось, послать нас в страну с более высоким жизненным уровнем никто не решится.

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

Район города Мукачево

12 октября 1968 года

Наши дивизии, выходившие из Чехословакии, напоминали остатки разбитой армии, уходящей от преследования после сокрушительного поражения. Мог ли какой офицер без боли смотреть на бесконечные колонны грязных танков, искалеченных варварской эксплуатацией, лишенных в течение многих месяцев человеческой заботы и ласки. Поредели наши полки. Многие взводы и роты в полном составе еще в Чехословакии сводили в маршевые батальоны и гнали на китайскую границу. Солдат, которым оставалось служить по несколько месяцев, досрочно разгоняли по домам. В экипажах часто оставалось по одному водителю, и никого больше.

Родина встречала нас оркестрами и тут же направляла всех целыми полками в полевые лагеря, огороженные проволочными заборами. То ли чумными нас считали, то ли прокаженными. Незнакомые инженеры быстро осматривали боевую технику и на ходу определяли: средний ремонт, на слом, на слом, на слом.

А нас также быстро осматривали врачи: годен, годен, годен. А еще какие-то люди судорожно копались в наших делах и так же быстро выносили резолюции: китайская граница, китайская граница, китайская граница.

Но вдруг привычный ритм был нарушен. Поредевший полк построили вдоль широкой лесной просеки, которая была центральной дорогой нашего военно-

тюремного лагеря. Начальник штаба полка нудно читает приказы министра, командующего округом, командующего армией. Потом неожиданно конвой вывел на середину и поставил перед строем какого-то парня. На вид ему было лет 20. Меня поразило то, что он был почему-то босиком. В том году в Карпатах стояла необычно теплая тихая осень. И все же то была осень, а он стоял босиком.

По его виду трудно было понять, солдат он или не солдат. Брюки на нем были солдатские, но вместо гимнастерки — широкая крестьянская рубаха. Он стоял правым боком к развернутому строю полка и смотрел куда-то вдаль на синие вершины Карпат близорукими своими глазами. В левой руке он держал солдатский котелок, а правая прижимала к груди какой-то матерчатый сверток, что-то завернутое в тряпицу и видимо ему очень дорогое.

Начальник штаба полка отчетливо и внятно читал бумагу о похождениях нашего героя. Призвали его на службу год тому назад. Во время подготовки к освобождению он решил использовать ситуацию для перехода на Запад. Но во время перетасовок он попал в одну из «диких дивизий», которые в Чехословакию не входили. И тогда он, захватив автомат, ушел в горы и несколько раз пытался прорваться через границу. Три месяца он провел в горах, но потом голод выгнал его к людям, и он добровольно сдался. Теперь он должен был быть наказан. В мирное время таких, как он, наказывают в укромных местах. Но сейчас мы жили по законам войны, и так как его «дикую дивизию» уже разогнали за ненадобностью, он будет наказан перед строем нашего полка.

Пока начальник штаба завершал чтение приговора, к дезертиру сзади медленно приближался палач, невысокий очень плотный майор ГБ в мягких сапогах с короткими голенищами на толстых икрах.

Я никогда не видел своими глазами смертной казни и представлял ее совершенно не так: темный подвал, слой опилок на полу, мрачные своды, лучик света. В жизни все наоборот; лесная просека, застланная роскошным ковром багряных листьев, золотые паутинки, хрустальный звон горного водопада и необозримая лесная даль, залитая прощальным теплом осеннего солнца.

Действие разворачивалось перед нами, как на сце-

не, как в спектакле, когда весь зал, закусив губы и впившись ногтями в ручки кресла, молча следит за тем, как смерть, мягко ступая, медленно сзади приближается к своей жертве. И все ее видят, кроме того, кому суждено погибнуть. Врут, наверное, люди, что приближение смерти можно почувствовать. Ничего наш солдатик не чувствовал. Стоял он и молча слушал, а может быть и не слушал, слова приговора. Ясно было одно: у него и помысла не было такого, что его могут приговорить к высшей мере. И уж, конечно, он и подозревать не мог того, что приговор приведут в исполнение прямо по его объявлении.

Сейчас, много лет спустя, я мог бы изобрести какие-нибудь благородные чувства, переживаемые мной, но в тот момент не было таких чувств во мне. Я стоял и, как сотни других, смотрел на солдата и крадущегося палача и думал о том, обернется солдат или нет, и если обернется и увидит палача с пистолетом, будет ли палач стрелять немедленно или нет.

Начальник штаба набрал полные легкие воздуха и звонко и торжественно, как правительственное сообщение о запуске первого космонавта, отчеканил заключительную фразу:

— ИМЕНЕМ СОЮЗА...

Палач плавно отвел затвор пистолета и так же плавно, чтобы не щелкнул, отпустил его обратно...

— ...СОВЕТСКИХ...

Палач, ступая мягко, как кот, сделал еще два шага и расставил широко ноги для устойчивости. Теперь он стоял в одном метре от несчастного. Казалось, тот должен был услышать дыхание палача. Но солдат этого не услышал, не почувствовал...

— ...СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ...

Палач вытянул правую руку с пистолетом вперед, почти касаясь дульным срезом затылка солдата...

— ...РЕСПУБЛИК...

Палач левой рукой сжал запястье своей правой руки для большей устойчивости пистолета...

— ...ПРИГОВОРИЛ...

Жуткий хруст одиночного выстрела стегнул меня кнутом вдоль спины. Я сжался весь. Я зажмурил глаза, как от невыносимой боли, но тут же их открыл.

Убитый солдат резко выбросил обе руки над головой и, совершая последний в своей короткой жизни невероятный прыжок вверх, как бы пытаясь ухватиться за облака, запрокинул голову назад так, как этого не может сделать еще живой человек. Наверное в этот самый последний момент его уже мертвые глаза встретились со спокойным взглядом проницательных голубых глаз палача. А эхо выстрела медленно покатилось к далекой лесистой гряде и, расколовшись об нее, залаяло.

Тело солдата падало медленно-медленно, как кленовый лист в тихий осенний день. Палач так же медленно отступил на шаг в сторону, уступая место падающему телу.

— ...к высшей мере наказания...— тихо закончил чтение начальник штаба.

Палач ловко извлек магазин из рукоятки пистолета, рывком передернул затвор, выбрасывая из патронника не понадобившийся второй патрон. К убитому бегом приближалась похоронная команда: пятеро солдат с лопатами и куском брезента.

А он лежал у наших ног, устремив свой немигающий взгляд в бездонное небо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А вы когда-нибудь были знакомы с человеком в период его жизни между смертным приговором и казнью? Если нет, то знакомьтесь, я — один из таких людей.

Я больше не освободитель. Не для меня эта работа. И не для моей страны. По-моему убеждению, только та страна, в которую люди толпами бегут со всего света, имеет право давать советы другим о том, как надо жить. Та же страна, из которой люди прорываются через границу на танках, улетают на самодельных воздушных шарах и гиперзвуковых истребителях, прорываются через минные поля под пулеметным огнем, преследуемые сворами сторожевых псов, та страна никого и ничему учить не должна. Нет у нее такого права. Прежде всего в своем доме порядок наведите. Создайте такое общество, чтобы люди не из нашей страны за границу подземные коридоры рыли, а чтобы к нам такие коридоры кто-то старался

прорыть. И вот только тогда обретем мы право поучать других, да и то не танками, не грохотом гусениц по мостовым, а добрым советом и личным примером: смотрите, любуйтесь, перенимайте опыт, если нравится.

Мысли эти пришли мне в голову давно. Может быть, они глупы, стары и избиты, но это мои собственные мысли. Самые первые.

И очень мне хотелось, чтобы они не умерли в моей голове, а для этого надо было поделиться ими хотя бы с двумя другими людьми. Но в моем положении это исключено. Нас, профессиональных освободителей, за такие мысли стреляют. В затылок.

С одним освободителем такими идеями поделиться можно, а на второго времени, конечно, уже не хватит.

Поэтому я ушел. Унес свои мысли вместе с головой. К переходу я готовился много лет и никогда не верил в его успешный исход. Но мне повезло.

По коммунистическим законам я предатель и изменник. Я — преступник, совершивший тяжкое, особо опасное государственное преступление. Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР я приговорен к высшей мере наказания. Способ исполнения приговора не уточнен. Моим палачам дан широкий выбор методов его исполнения: автомобильная катастрофа, самоубийство, сердечный приступ. Но им еще надо найти меня. А пока я живу в последнем периоде своей жизни. Между смертным приговором и казнью. В моей жизни это самое счастливое время.

СОКРАЩЕНИЯ

БРДМ — Бронированная Разведывательно-Дозорная Машнна
БТР — Бронетранспортер
ГСВГ — Группа Советскнх Войск в Германнн
ЗАС — Засекречивающая Аппаратура Связн
ЗКВ — Заместитель Командира Взвода
ИРС — Инженерно-Ракетная Служба
КТП — Контрольно-Техническнй Пункт
НШД — Начальннк Штаба Днвнзнн
ПНШ — Помощннк Начальника Штаба
ПТУРС — Протнвотанковый Управляемый Реактивный Снаряд
САУ — Самоходная Артиллерийская Установка
СГМ — Станковый пулемет Горюнова Модернизированный
ЯЗУ — Ядерное Зарядное Устройство